

ПРАВО

№ 7.

1909 г.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРАВО“.

С.-Петербургъ, Владимірскій просп., д. № 19. Телефонъ 41—61.
КОМИССИОНЕРЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ ПОЛНОСТЬЮ НА СКЛАДЪ НОВЫЯ ИЗДАНИЯ:

Проф. А. Н. МИКЛАШЕВСКІЙ.

Исторія политической экономіи.

Философскія, историческія и теоретическія начала экономіи XIX вѣка.
Ю. 1909 г. Стр. Цѣна 3 р. 25 коп.

Пр.-доц. І. М. КУЛИШЕРЪ.

Лекціи по исторіи экономического быта Западной Европы.

СПБ. 1909 г. Цѣна 2 руб.

- ✦ **Абрамъвичъ, Н. Я.** Въ осеннихъ садахъ. Литература сегодняшняго дня. 1909 г. Ц. 1 р.
- ✦ **„Альманахи“** „Шиповника“. Книга VIII-я. 1909 г. Ц. 1 р.
- ✦ **Андреевъ, Л.** Собраніе сочиненій. Т. V (Иуда Искаріотъ, Елеазаръ, Жизнь человѣка, Великанъ, Тьма). Съ портретомъ автора. 1909 г. Ц. 1 р. 25 к.
- ✦ **Арнольдъ, Мэтью.** Въ чемъ сущность христіанства и іудейства. 1908 г. Ц. 1 р. 20 к.
- ✦ **Берсъ, А. А.** Борьба за существованіе на небѣ. (Къ 100-лѣтію рожденія Дарвина). 1909 г. Ц. 20 к.
- ✦ **Брюль, Н. Л.** Сборникъ жел.-дорожныхъ узаконеній и распоряженій правительства. Ч. II. Введенныя въ общ. уст. Рос. жел. дор. спеціальныя узаконенія о тарифахъ. 1909 г. Ц. 3 р. 50 к.
- ✦ **Боровиковскій, А. Л.** Законы гражданскіе, съ объясненіями по рѣшеніямъ Пр. Сената. Изд. XII-ое, испр. и доп. П. Н. Гуссаковскимъ. 1909 г. Ц. 6 р.
- ✦ **Вопросы рѣчного быта.** Сборникъ статей Н. Богуславскаго, Гукеръ, Жирардонъ, Пенкъ, Максимова, Рудскаго съ чертежами, планами, гравюрами. 1909 г. Ц. 22 р. 50 к. (въ перепл.).
- ✦ **Гамсунъ, Кн.** Собраніе сочиненій (изд. „Шиповника“). Т. VI (У вратъ царства, Драма жизни, Закатъ). 1909 г. Ц. 1 р. 25 к.; т. III (Викторія, Въ сказочной странѣ). 1908 г. Ц. 1 р. 40 к.; т. IX (Рабы любви, Побѣдитель, Захей и др.) 1909 г. Ц. 1 р.
- ✦ **Гейерстамъ, Г.** Роковыя силы. 1909 г. Ц. 1 р. 25 к.
- ✦ **Колычевъ, А. А.** Городовое положеніе. Новѣйшія узаконенія, разъясненія сената и распоряженія правительства по городскимъ дѣламъ. 1909 г. Ц. 1 р. 25 к.
- ✦ **Кропоткинъ, П. А.** Поля, фабрики и мастерскія. Изд. 3-е. 1908 г. Ц. 80 к.
- ✦ **Матеріалы** объ экономическомъ положеніи и профессиональныхъ организаціяхъ петербургскихъ рабочихъ по металлу. 1909 г. Ц. 50 к.
- ✦ **Махъ, Э.** Принципы сокращенія работы. Исторія и корень его. Перев. подъ ред. проф. Н. Гезехуса. 1909 г. Ц. 40 к.
- ✦ **Петцольдъ, І.** Проблема міра съ точки зрѣнія позитивизма. 1909 г. Ц. 1 р.
- ✦ **Піонтковскій, А. А.** Смертная казнь въ Европѣ. 1909 г. Ц. 1 р.
- ✦ **Рейнке, Н.** Очеркъ русско-польскаго междуобластного частнаго права. 1909 г. Ц. 1 р. 50 к.
Очеркъ законодательства Царства Польскаго (1807—1881 гг.). 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ✦ **Ротенбергъ, Л. М.** Уставъ гражданского судопроизводства. Изд. 3-е, испр. и дополн. 1909 г. Ц. 2 р. 50 к.
- ✦ **Святковскій, Л. Д.** Настольная справочная книга по перевозкамъ пассажировъ, багажа и грузовъ съ пассажирскими и товарными поѣздами. 1909 г. Ц. 3 р.
- ✦ **Слобожанинъ, М.** Смотръ кооперативнымъ силамъ. 1909 г. Ц. 1 р.
- ✦ **„Современный Міръ“.** Февраль 1909 г. Ц. 80 к.
- ✦ **Таганцевъ, Н. С.** Уложеніе о наказаніяхъ съ разъясненіями. Изд. 1909 г. Ц. 4 р. 50 к.
- ✦ **Уэллсъ, Г. Д.** Собраніе сочиненій. 1909 г. Т. I и II. Ц. по 1 р. 25 к.
- ✦ **Эрдманъ.** Обязательственное право губерній Прибалтійскихъ. 1908 г. Ц. 3 р.
- ✦ * * * **Осада Портъ-Артура,** съ точки зрѣнія права войны. 1909 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ✦ **Hatscheck, I., Prof.** Das Interpellationsrecht im Rahmen der modernen Ministerverantwortlichkeit. L. 1909. Ц. 1 р. 10 к.
- ✦ **Junge, Fr.** Die rationelle Auswertung der Kohlen als Grundlage für die Entwicklung der nationalen Industrie. B. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- ✦ **Kindermann, K., Prof.** Deutschlands wirtschaftliche Weltstellung. St. 1909. Ц. 1 р.
- ✦ **Langhard, I.** Die politische Polizei der schweizerischen Eidgenossenschaft. B. 1909. Ц. 3 р. 60 к.
- ✦ **Michelis, E.** Die Zolltrennung Oesterreich-Ungarns in handelspolitischer und weltwirtschaftlicher Beleuchtung. W. 1908. Ц. 1 р. 30 к.
- ✦ **Steinmann-Bucher, A.** 350 Milliarden deutsches Volksvermögen. B. 1909. Ц. 1 р.
- ✦ **Unruh, C.** Politische Überzeugungen und ihre Grundlagen. Fr. 1909. Ц. 50 к.
- ✦ **Wassermann, I.** Die deutsche Spiritusindustrie. L. 1909. Ц. 2 р. 75 к.

ПРАВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1909 г.

№ 7.

Воскресенье 15 февраля.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи: приватъ-доцента В. М. Гессена, І. В. Гессена, приватъ-доцента А. И. Каминка, В. Д. Набокова, профессоровъ М. Я. Пергаментъ и Л. І. Петражицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Кризисъ современнаго правосознанія. С. Котляревскаго. 2) Уголовная отвѣтственность агента - провокатора. В. Д. Набокова. 3) Объ отвѣтственности справочныхъ конторъ о кредитоспособности. В. Л. 4) Дѣйствія правительства. 5) Судебные отчеты: а) Правит. сен. (Дѣло бывшаго полиціймейстера Юнина). б) Главный военный судъ. (Дѣло владивостокскаго охраннаго отдѣленія). 6) Изъ иностранной юридической жизни. 7) Хроника. 8) С.-петербургское юридическое общество. 9) Справочный отдѣлъ. 10) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (М. Конюшенная, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ—10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній 50 к., иногородняго на иногородній—20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Владимірскій пр., 19) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Продолжается подписка на 1909 годъ.

При этомъ № г.г. подписчикамъ разсылается 3-й листъ гражд. касс. деп. за 1908 г (бесплатное приложение).

Кризисъ современнаго правосознанія.

П. И. Новгородцевъ. Кризисъ современнаго правосознанія. Москва, 1909 г.).

Едва ли есть какая нибудь надобность, доказывать, что явленіе, обозначенное въ заглавіи этой замѣчательной книги, дѣйствительно существуетъ и что оно даетъ себя чувствовать вовсе не только въ тиши кабинета. Конечно, и теорія права находится въ состояніи напряженнаго пересмотра своихъ традиціонныхъ основъ; конечно, ея рѣшенія кажутся намъ и слишкомъ условными, слишкомъ формальными и скользящими по поверхности явленій. И чтобы не идти за болѣе отдаленными примѣрами—развѣ появленіе системы Л. І. Петражицкаго не служатъ тоже убѣдительнѣйшимъ симптомомъ теоретическаго кризиса? Но дѣло не только въ этомъ; передъ нами рядъ фактовъ, имѣющихъ глубокое непосредственное социальное-психологи-

ческое значеніе. Вѣра въ учрежденія вѣра въ правовыя нормы сталкивается съ какимъ-то растущимъ осадкомъ недовѣрія и скептицизма, и эти настроенія проникаютъ въ достаточно широкіе слои, чтобы явиться симптомомъ какого-то серьезно нарушеннаго равновѣсія, какого-то духовнаго недуга. Намъ вѣтъ надобности говорить здѣсь объ анархизмѣ, какъ длительномъ протестѣ противъ вѣры въ творческія потенціи права; но намъ естественно вспомнить объ одномъ изъ характернѣйшихъ «знаменій времени», французскомъ революціонномъ синдикализмѣ, который явился на фонѣ послѣдовательно-демократической конституціи, на фонѣ признаннаго верховенства народнаго суверенитета, и самые тяжелые удары котораго направляются именно противъ политической демократіи...

Русское общество болѣе, чѣмъ когда нибудь, нуждается здѣсь въ опредѣленной оцѣнкѣ правового начала и его способности устроить общественную жизнь. Оно еще такъ недавно было

объединено мыслью, которая сознавалась, как очевидность,—мыслью, что никакое дальнейшее расширение и углубление материальной и духовной культуры невозможно без коренной политической реформы. И естественно, когда все помыслы устремлены в одну точку, почти невозможно психологически соблюсти должную перспективу, почти невозможно предохранить себя от тех преувеличений, которые в самих себя несут реакцию. Теперь, когда это столь недавнее прошлое как будто отлетело в невозвратную историческую даль, когда мы окружены не радостным ярким светом национального возрождения, а серыми сумерками переходного безвременья,—когда нам угрожает господство равнодушия и скептицизма, господство тех противообщественных настроений и чувств, которые гораздо опаснее правительственной реакции, нам особенно необходимо спасти одну великую ценность—веру в право и в правовое государство. И спасти эту веру, конечно, мы можем не повторением традиционных формул, уже сделавшихся слишком стертыми монетами, а объективным и вдумчивым анализом предпосылок этой веры. И вот почему книга П. И. Новгородцева действительно отвечает на одну из самых настоятельных потребностей общественного сознания, вот почему она особенно должна быть отмечена именно с этой стороны.

Предпосылки традиционного учения о правовом государстве были неразрывно связаны с представлениями и об обществе, и о личности,—с представлениями, которым нанесли непоправимый удар и уроки социального опыта, и работа теоретической мысли. В исключительно яркой и потому особенно поучительной форме это сказывается в доктрине Руссо, в которой современный исследователь открывает такие явные, непозволительные софизмы. Но если Руссо полагал, что между народным суверенитетом и личной свободой не может быть никакого противоречия, и всякий, повинаясь общей воле, повинует лишь себя, что оставшиеся в меньшинстве не обязываются исполнять волю большинства, а узнают, что они заблуждались относительно своей собственной воли,—то здесь его мысли становятся понятны на фоне представления о гармонии, царящей среди людей. «Общность воли представлялась Руссо в виде совершенного единства желаний, обеспеченного полным единством жизни и ничем невозмутимой простотой настроений и чувств» (ст. 35). Отсюда, с другой стороны, вера в общую волю, как нечто постоянное и неизменное, что можно легко уловить и зафиксировать.

И вот вся дальнейшая история весь этот фон разрушает. Вместо естественной гармонии—естественная борьба, классовый и групповой антагонизм, которые наполняют собой жизнь общества и которые исключают всякую возможность такой единой неизменной общей воли.

Оказывается, что и эта воля, и ее источник—общественное мнение крайне неустойчивы; органы общественного мнения, во всяком случае, пытаюсь его брать как существующее и выразить, в действительности, сами являются весьма могущественным фактором в его образовании. На этом, основано и, так называемое, господство партий, возмущающее многих, которые в них видят тиранию сплоченного меньшинства, и победа частных взглядов, интересов и желаний этого меньшинства над действительной волей большинства. Такой действительной воли вовсе не оказывается, и большинство остается при пассивной роли.

Сообразно с этим совершенно изменяется постановка вопроса о представительстве. Опыт заставляет отказаться от требований, которые предъявлял к нему Мирабо,—служить, так сказать, сокращенной копией нации. Оно занимает гораздо более самостоятельное положение относительно различных сил—сил, действующих в среде народа, и это положение не изменяется, когда, вместо мажоритарной системы выборов, вводят пропорциональную, соответствующую как будто в большей мере идее парламентаризма. В этом отношении поиски совершенной избирательной системы в смысле точного выражения воли народа, как это признал недавно и Геллинек, обречены на неудачу. К этому нужно еще прибавить повсеместно замечаемый в новейшее время рост исполнительной власти на счет народного представительства, который особенно ярко освещается в последних работах, посвященных государственной и политической эволюции Англии. Рядом с этим постепенно переносится центр тяжести на всю массу избирателей, развиваются институты непосредственной демократии, как референдум и народная инициатива,—но и здесь, анализируя эти явления, мы еще больше сталкиваемся с коренной невозможностью разрешить поставленную проблему выражения общей воли, и здесь «некоторые принимают решения за волю».

И вот ряд этих практических демонстраций совершенно переключают самый вопрос. Оказывается, что средство, которым располагает механика учреждений, сравнительно ограничено. Когда Бенуа пишет о «кризисе нового государства» и ищет выхода в приурочении избирательного права к куриям интересов, слишком наглядно бросается в глаза несоответствие между глубиной недуга и столь поверхностным средством излечения. То же самое приложимо к проекту Острогорского «реформировать партии». По мере того, как подрывается доверие к автоматизму учреждений, к политическому *perpetuum mobile*, о котором писал Морис Блок, по мере этого все большее внимание привлекал орган свободной внепарламентской инициативы, которым можно было воспользоваться «для обеспечения

процесса свободного образования народной воли и свободного ее выражения».

Но еще важнее, что обнаруживалось противоречие между принципом народного суверенитета и самой правовой проблемой. Что последовательная демократия не меньше, а, быть может, больше других организаций общежития, может подавлять личную свободу—это достаточно общеизвестно со времен Бенжамена Констана и Токвиля. То обстоятельство, что европейское государство неуклонно слѣдует по пути политической демократизации, что проект Токвиля началъ осуществляться въ болѣе широкомъ масштабѣ, чѣмъ объ этомъ думалъ авторъ «Американской демократіи»,—только обостряетъ невозможность уйти отъ данной проблемы. Нужна новая ориентировка,—и для П. И. Новгородцева она дается въ принципѣ человеческой личности. «Идея личности есть не только граница, но вмѣстѣ съ тѣмъ и норма, и основаніе народной воли».

Воля народная сама по себѣ не можетъ быть нормой, ибо она является лишь возможностью желаній, достоинство которыхъ опредѣляется ихъ цѣлью, а не ихъ распространенностью. Стоитъ отринуть понятіе объ этой цѣли, и мы придемъ къ необходимости узаконить произволъ субъективной и измѣнчивой человеческой воли; и все равно, будетъ ли эта воля индивидуальная или коллективная, воля личная или народная, она не можетъ быть источникомъ твердыхъ нормъ, если сама не признаетъ надъ собой какой либо высшей и твердой нормы. А въ общественныхъ отношеніяхъ такой нормой можетъ служить лишь то начало, которое является нравственной основой человеческого общенія, т. е. начало личности (с. 236).

Такимъ образомъ, какъ будто политическая мысль совершила циклъ и вернулась къ чистому индивидуализму,—но это только видимость. Въ действительности за кризисомъ правового государства скрывается другой, еще болѣе глубокий и, если угодно, вводящій еще болѣе болѣзненные противорѣчія въ систему современной культуры. XVIII вѣкъ и здѣсь стоялъ на почвѣ оптимистической вѣры въ естественную гармонию индивидуума и цѣлаго. Отсюда прежде всего идея неотчуждаемости правъ, раскрытая съ особой яркостью въ деклараціи 1789 года и получившая такіе жестокие удары въ эпоху революціи. Но хотя послѣдніе и показали практическую бесплодность такой постановки правъ личности, но самое представленіе о личности, имѣющее совершенно отвлеченный характеръ, пережило революціонныя бури; имъ одинаково оперировала и философія Канта, и Гегеля, несмотря на противоположность тенденцій и настроеній, характеризующую взгляды этихъ мыслителей на право и государство; оно осталось и у создателей современнаго социализма—у Фейербаха, Маркса и Лассаля; оно нашло, съ другой стороны, свое полное выраже-

ніе въ теоріяхъ экономической свободы—у Смита.

Правда, и въ эту эпоху мы сталкиваемся съ настроеніями, которыя звучатъ рѣзкой дисгармоніей; мы сталкиваемся съ протестомъ противъ равенства во имя свободы, глашатаями коей явились Бенжаменъ Констанъ и Токвиль и который такъ неотразимо-сильно дѣйствовалъ на Милля. Правда, между равенствомъ и свободой пропасть оставалась незаполненной. Но всѣ эти проблемы являлись въ своемъ отрицательномъ смыслѣ, онѣ не показывали выхода, не показывали путей къ восстановленію гармоніи.

Рядомъ съ этимъ уже старымъ, уже ненужнымъ индивидуализмомъ создается новый, который обнаруживается отнюдь не только въ области отвлеченной мысли. Ему соответствуетъ новое пониманіе либеральныхъ началъ, которое мы видимъ и въ Англіи, и Франціи, и въ Германіи. Какъ говорить Асквиту, по мѣрѣ того, какъ пріобрѣтались и опытъ, и большая зрѣлость сужденія, пришли къ заключенію, что свобода въ политическомъ смыслѣ—не только отрицательное, но и положительное понятіе. Нельзя утверждать, что личность и общество въ самомъ дѣлѣ свободны потому только, что они не находятся подъ игомъ ограниченій, санкціонированныхъ положительнымъ закономъ; дѣйствительная свобода заключается въ возможности сдѣлать наилучшее употребленіе изъ своихъ способностей, благоприятныхъ обстоятельствъ, своей энергіи, своей жизни. Отсюда передъ новымъ либерализмомъ раскрывается вся широта социальныхъ и культурныхъ реформъ. Теперь для насъ, современниковъ Асквита и Клемансо, это кажется несомнѣннымъ; но нужно помнить, какое ожесточенное сопротивленіе этому новому пониманію оказалъ хотя бы англійскій виггизмъ въ эпоху выступленія Джорджа Росселя. Но современный англійскій либерализмъ не ограничивается областью экономической; онъ признаетъ, что задачи освобожденія должны совершаться и въ моральной области и что, какъ говорилъ Гольдсмитъ, «политика либеральной партіи должна быть воспитательной въ широкомъ смыслѣ этого слова». И здѣсь нельзя достаточно подчеркивать, что дѣло идетъ не только о перемѣнѣ тактики, но и о капитальномъ пересмотрѣ всего традиціоннаго инвентаря понятій.

То же самое мы видимъ во Франціи. У Бугле, Лансона, Лапи, Пароди, Жакоби мы находимъ новыя концепціи свободы и равенства, находимъ признаніе, что старый либерализмъ (*le vieux libéralisme, l'antique libéralisme*) пережить, что нѣтъ мѣста для его оптимизма и фатализма, съ которымъ онъ смотрѣлъ на жизненную борьбу,—а должно быть воздѣйствіе на самую борьбу. «Свободное государство и есть состояніе, въ которомъ сильныя дѣлаютъ, что хотятъ въ мѣру своей силы; это состояніе справедливости, въ которомъ общество сдерживаетъ свободу нѣкоторыхъ,

для того, чтобы охранить свободу всѣхъ». Здѣсь французскому либерализму приходится съ другой стороны встрѣчаться съ идеей «моральнаго единства» (*unité morale*), которая сыграла такую роль въ борьбѣ «свѣтскаго духа» (*esprit laïque*) противъ клерикализма.

Этотъ духовный эгалитаризмъ, который возникъ на почвѣ могущественныхъ потребностей самосохраненія и самозащиты свѣтской культуры, не заключаетъ ли въ себѣ зародыши другихъ, худшихъ опасностей для самой культуры и не поражено ли само его стремленіе возсоздать абсолютное единство роковымъ безсиліемъ?

Новый французскій либерализмъ стремится разрѣшить эту задачу инымъ путемъ. Наивной вѣрѣ во всемогущество механики учреждений и систематическихъ средствъ онъ противопоставляетъ задачу воспитанія. «Воспитаніе демократіи» — это лейтъ-мотивъ современной французской политической мысли, это начало, которое такъ выдвинулъ Клемансо въ своей знаменитой полемикѣ противъ Жореса. Лишь воспитаніе общества можетъ создать въ немъ чувство солидарности, необходимое для успѣха всякихъ важныхъ общественныхъ организацій. Нельзя не признать глубоко характернымъ то вниманіе, которое привлекаетъ во Франціи эта идея солидарности.

Именно отъ нея ожидается разрѣшеніе тѣхъ противорѣчій, передъ которыми оказалась безсильной та или другая техника учреждений. Въ ученіяхъ современныхъ солидаристовъ мы находимъ много неопредѣленнаго; солидарность, какъ нѣчто существующее, не всегда достаточно отличается отъ солидарности, какъ должнаго. Но самое это теченіе заключаетъ въ себѣ одну чрезвычайно глубокую и плодотворную мысль.

Говоря о солидарности, мы несомнѣнно переходимъ изъ сферы права въ сферу морали. Въ поискахъ за обоснованіемъ правового государства мы неизбежно доходимъ до внѣ-правовыхъ, моральныхъ основаній. Мы въ этомъ отношеніи достигли противоположнаго полюса по сравненію съ Фихте, считавшимъ возможнымъ установить столь твердый правовой строй, что онъ могъ бы сохраниться непоколебимымъ, даже если бы въ обществѣ вовсе не было доброй воли. Можно сказать, что наше время выдвигаетъ взглядъ діаметрально противоположный этому; безъ болѣе прочныхъ нравственныхъ скрѣпъ общество обречено на потрясеніе, можетъ быть, на гибель. Индивидуализмъ, способный созидать и поддерживать общественный строй, признаетъ не только право, но и обязанности, и притомъ обязанности внѣ-юридическія.

Спрашивается, къ какимъ практическимъ выводамъ приводитъ эта новая оріентировка? Я позволю себѣ въ качествѣ видимыхъ на этомъ основаніи вещей привести слова самого автора. «Значитъ ли это, что у тѣхъ, кто высказываетъ подобные взгляды, послѣдовало разочарованіе въ учрежденіяхъ, въ правѣ, въ государствѣ? Я

думаю, что предшествующее изложеніе позволяетъ отвѣтить на это отрицательно. Среди политическихъ дѣятелей и писателей, отрѣшившихся отъ вѣры въ волшебную силу учреждений, по-прежнему остается крѣпкой мысль, что учрежденія растутъ вмѣстѣ съ людьми, а люди совершенствуются вмѣстѣ съ учрежденіями. Но къ этой мысли присоединилось новсе сознаніе, что правовыя учрежденія сами по себѣ не въ силахъ осуществить дѣйствительное преобразование общества и что они должны войти въ сочетаніе съ силами нравственными, чтобы достигнуть своей цѣли. Въ моментъ вышенаго торжества идеи права государство было провозглашено «земнымъ богомъ»; за нимъ признана была исключительная и всемогущая роль въ дѣлѣ нравственнаго прогресса. Опытъ XIX вѣка заставлялъ отступитъ отъ этого взгляда къ болѣе скромному воззрѣнію. Для осуществленія поставленныхъ задачъ государство должно было призвать на помощь нравственные факторы. Однако, сведенное съ прежней высоты, утративъ свое божественное значеніе, оно сохранило практическую цѣнность необходимой и цѣлесообразной организаціи, оказывающей человѣчеству элементарныя, но незамѣнимыя услуги» (387—8).

Въ этихъ словахъ заключается основной тезисъ этой столь содержательной и глубоко продуманной книги, которая объясняетъ, почему на протяженіи XIX вѣка вѣра въ осуществимость совершеннаго государственнаго устройства постоянно падала, и требованія, предъявляемыя къ государству, и его функции, отвѣчающія этимъ требованіямъ, постоянно возростали. Это противорѣчіе, если оно неустранимо, несомнѣнно, должно переживаться все болѣзненнымъ, но, къ счастью, оно все-таки лишь кажущееся противорѣчіе, и единственный путь освободиться отъ его власти — это ясно помнить границы воздѣйствія учреждений на человеческую жизнь и морально-психологическія предпосылки подобнаго воздѣйствія. Превратите государство въ самодеятельную, автономную цѣль — и вы неизбежно придете къ полному крушенію вашихъ упованій, вы придете къ анархическимъ сомнѣніямъ, преодолѣть которыя у васъ не будетъ силъ. Сохраните за нимъ характеръ служебнаго средства, которое должно быть подчинено цѣлямъ высшаго внѣ-правового порядка извѣстнаго элемента техники общежитія, и вы черезъ всѣ испытанія сохраните въ неприкосновенности взглядъ на него, какъ на могущественное орудіе человеческого прогресса.

Вотъ урокъ, который можетъ извлечь русское общество изъ этой книги, — урокъ, который позволяетъ найти золотую середину между анархическою неспособностью опѣнить положительныя потенціи государства и наивнымъ культмъ абсолютной государственности. И развѣ эта золотая середина не оставляетъ еще вполне достаточнаго простора и для плодотворной работы

мысли, изучающей мѣсто современнаго государства среди другихъ организованныхъ и неорганизованныхъ силъ, дѣйствующихъ въ общественной средѣ,—и для практической дѣятельности, одушевленной высшими нравственными идеями XX вѣка—идеалами свободы, солидарности, человечности и осуществляющей ихъ, по мѣрѣ способностей и возможностей,—въ своемъ ежедневномъ, незамѣтномъ, непритязательномъ и въ то же время въ своихъ конечныхъ результатахъ столь созидательномъ трудѣ!..

С. Котляревскій.

Уголовная отвѣтственность агента-провокатора ¹⁾.

IV.

Обращаясь къ русскому законодательству, приходится констатировать, что положеніе изслѣдователя значительно легче. Многія изъ контроверзъ, возникшихъ на почвѣ нѣмецкаго уголовного уложенія, разрѣшаются у насъ прямымъ текстомъ и смысломъ закона. De lege ferenda можно спорить о правильности и цѣлесообразности этихъ рѣшеній, и здѣсь указанія и выводы нѣмецкой науки могутъ быть чрезвычайно полезны. De lege lata гораздо меньше почвы для спора.

Въ дальнѣйшемъ я буду говорить главнымъ образомъ о системѣ нашего уголовного уложенія 1903 г. отчасти потому, что при обсужденіи вопроса о провокаціи преимущественно имѣется въ виду провоцированіе къ тѣмъ преступленіямъ, которыя предусмотрены дѣйствующей частью уголовного уложенія, отчасти и по той причинѣ, что постановка понятій соучастія и (въ частности) подстрекательства въ дѣйствующемъ уложеніи о наказаніяхъ и въ уголовномъ уложеніи 1903 г. покоится на вполне однородныхъ основаніяхъ, причемъ постановка угол. уложенія отличается большей выработанностью и точностью, облегчая, такимъ образомъ, догматическій разборъ. Специально о провокаціи не упоминаютъ ни тотъ, ни другой кодексъ, и потому необходимо и здѣсь обратиться именно къ постановленіямъ о соучастіи и о подстрекательствѣ.

Въ цитированной уже работѣ И. С. Урысона авторъ такъ и дѣлаетъ. При этомъ, однако, имъ допущенъ рядъ недоразумѣній, въ которыхъ прежде всего приходится разобратся, въ виду рѣшительности выводовъ, имъ выставляемыхъ.

Г. Урысонъ, въ противоположность, какъ мы увидимъ, Н. С. Таганцеву, справедливо замѣчаетъ ²⁾, что «провокаторъ, несомнѣнно, отличается отъ обыкновеннаго подстрекателя тѣмъ, что выполненіе физическимъ виновникомъ самаго пре-

ступнаго дѣянія не входитъ въ его, провокатора, намѣреніе». «Не исключаетъ ли поэтому, такой своеобразный *dolus* провокатора наказуемости его провокаторской дѣятельности?» Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, авторъ подвергаетъ разбору содержаніе и существо умысла подстрекателя и соотношеніе между умысломъ подстрекателя и умысломъ физическаго виновника. Можно было ожидать, что въ основу этого разбора будетъ положено русское положительное право, догмы котораго авторъ въ началѣ своей статьи обѣщаетъ строго придерживаться. На самомъ дѣлѣ оказывается, что авторъ дословно пересказываетъ теорію Löwenheim'a въ изложеніи Katzenstein'a (на статью котораго авторъ, однако, вовсе не ссылается). Здѣсь мы читаемъ и объ «акцессорной природѣ подстрекательства и конструкціи его, какъ соучастіе въ винѣ другого» ¹⁾, и о томъ, что «подстрекатель не даетъ своей дѣятельностью того толчка, не устанавливаетъ начальнаго звена той причинной цѣпи, которая въ конечномъ счетѣ приводитъ къ преступному дѣянію физическаго виновника» ²⁾; «Можно ли простирать его умыселъ на это преступное дѣяніе, т. е. на такое послѣдствіе, по отношенію къ которому дѣятельность его ни въ какой причинной связи не находится?—конечно, нѣтъ» ³⁾. Повторяя Löwenheim'a, г. Урысонъ заявляетъ, что «преступнымъ послѣдствіемъ подстрекательства слѣдуетъ считать только возбужденіе преступной рѣшимости въ другомъ; на этомъ возбужденіи и оканчивается преступная дѣятельность подстрекателя». Учиненіе преступнаго дѣянія физическимъ виновникомъ—лишь объективное условіе наказуемости подстрекательства, подобно тому, какъ наказуемость недонесенія по ст. 163 уг. ул. обусловлена дѣйствительнымъ учиненіемъ замышленнаго преступнаго дѣянія.

Мы сейчасъ выяснимъ, въ какой мѣрѣ эти разсужденія, спорныя и для нѣмецкаго права, примѣнимы къ праву русскому. Прежде всего, уже одна ссылка на недонесеніе указываетъ на коренную ошибку г. Урысона. Именно эта ссылка свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ игнорируетъ теоретическіе принципы, которые положены авторами уголовного уложенія въ основу понятія соучастія. Но онъ не только ихъ игнорируетъ, онъ прямо-таки ихъ извращаетъ. Только такимъ извращеніемъ можно объяснить слѣдующій пассажъ въ разсужденіяхъ г. Урысона:

«Что уголовно наказуемымъ послѣдствіемъ подстрекательства будетъ единственно только возбужденіе преступной воли и ничего болѣе, видно уже изъ самаго буквальнаго текста ч. 4 ст. 13 улож. о нак. и ст. 51 угол. улож. Первая изъ нихъ говоритъ, что подстрекателемъ

¹⁾ См. „Право“, № 6.

²⁾ *loc. cit.*, стр. 2124.

¹⁾ Ср. Katzenstein, 399.

²⁾ Ср. Katzenstein, *ibid.*

³⁾ Ср. Katzenstein, *ibid.*

будетъ тотъ, кто, не участвуя самъ въ совершении преступленія (курсивъ автора), употребляетъ просьбы и т. д., дабы склонить къ оному другихъ. Другими словами, подстрекатель—это склонившій другого къ совершению преступленія, а подстрекательство—это дѣяніе, посредствомъ котораго подстрекатель вызываетъ въ другомъ преступную рѣшимость. Точно такъ же смотритъ на это и ст. 51 улож. о нак. Авторъ хорошо дѣлаетъ, что не цитируетъ ст. 51. Этой цитаты было бы совершенно достаточно для обнаруженія явной несостоятельности его конструкции, явнаго противорѣчія ея тексту закона. Но и цитата изъ ст. 13 улож. о нак. говоритъ вовсе не то, что хотѣлось бы г. Урысону. Подстрекатель и по уложенію о наказаніяхъ есть одно изъ нѣсколькихъ лицъ, учинившихъ преступленіе по предварительному ихъ на то согласію. И по уложенію о нак. предполагается причинная связь между дѣятельностью подстрекателя и преступнымъ результатомъ, связь, создаваемая путемъ воздѣйствія воли подстрекателя на волю подстрекнутаго. И по уложенію о наказаніяхъ, преступный результатъ долженъ быть вмѣненъ подстрекателю въ умышленную вину. Подчеркнутыя г. Урысономъ слова о «неучастіи» подстрекателя въ совершении преступленія—какъ давно извѣстно—просто редакціонный промахъ: какъ указываетъ Н. С. Таганцевъ, если подстрекнувшій, сверхъ сего, оказалъ какое либо содѣйствіе, напр., доставилъ оружіе, онъ долженъ быть наказанъ все-таки какъ подстрекатель, а не какъ пособникъ. И съ точки зрѣнія уложенія о нак. подстрекатель г. Урысона — фантастическое лицо.

Но еще очевиднѣе ошибка, поскольку рѣчь идетъ о новомъ уложеніи. Въ основу его конструкции положена теорія, разработанная Н. С. Таганцевымъ. Согласно этой теоріи, основнымъ моментомъ соучастія является соглашеніе, создающее солидарную отвѣтственность за результатъ. Ст. 51 уг. ул. гласитъ: «Въ преступномъ дѣяніи, учиненномъ нѣсколькими лицами, согласившимися на его совершеніе или дѣйствовавшими завѣдомо сообща, соучастниками признаются тѣ, которые... 2) подстрекнули другого къ соучастію въ преступномъ дѣяніи». Какъ указываетъ объясн. записка, слова «дѣйствовавшими завѣдомо сообща» имѣютъ въ виду такъ наз. скопъ, совиновничество во время самаго дѣйствія; здѣсь, стало быть, понятіе подстрекательства неприменимо. Слова же «согласившимися на его совершеніе» имѣютъ въ виду соучастіе по предварительному сговору: подстрекатель—одинъ изъ такихъ соучастниковъ. Соглашеніе, лежащее въ основаніи соучастія, создаетъ, по выраженію об. зап., общность вины. Соглашеніе, говорятъ составители уложенія, въ смыслѣ сознательнаго участія въ общей дѣятельности, по самой природѣ своей предполагаетъ не только умышленность дѣйствія со стороны всѣхъ соучастниковъ, но и единство намѣ-

ренія, безотносительно, конечно, къ побужденіямъ и цѣлямъ. Въ частности, по отношенію къ подстрекателю, составители говорятъ: «для бытія подстрекательства необходимо, чтобы подстрекатель дѣйствовалъ умышленно, т. е. или желая того, что было выполнено подстрекнутымъ, или, по общему правилу, допуская то, что произошло изъ дѣйствій подстрекнутаго». Таковы *ipsissima verba* составителей, прямо отразившіяся на формулировкѣ закона, и нѣсколько странное впечатлѣніе производитъ противопоставленіе этимъ словамъ категорическаго утвержденія г. Урысона, будто «то обстоятельство, что у провокатора по большей части не будетъ умысла, направленнаго на преступное дѣяніе физическаго виновника,—не имѣетъ никакого значенія для квалификаціи его дѣянія, какъ подстрекательства». Наоборотъ: не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, при такомъ отсутствіи умысла, вовсе не можетъ быть рѣчи о подстрекателѣ,—его не существуетъ.

На этомъ мы можемъ покончить съ разсужденіями г. Урысона. Гораздо интереснѣе выяснитъ взглядъ Н. С. Таганцева, котораго нельзя, конечно, заподозрѣть въ непониманіи или извращеніи доктрины уголовного уложенія, и который, однако, тоже приходитъ къ выводу о наказуемости провокаторства.

Понятіе о соучастіи, говоритъ Таганцевъ¹⁾, предполагаетъ такую совмѣстную дѣятельность, при которой видоизмѣняются общія правила о стеченіи виновныхъ въ томъ отношеніи, что признается причинная связь, а посему и отвѣтственность за дѣяніе въ полномъ объемѣ и въ томъ случаѣ, когда самостоятельный характеръ присоединившейся силы, по общимъ правиламъ, долженъ былъ бы прервать причинную связь,—въ силу чего расширяется группа лицъ, вполнѣ и солидарно отвѣтственныхъ за совмѣстно воспроизведенный результатъ; такова именно отвѣтственность подстрекателя, пособника и т. д. Такая солидарная отвѣтственность предполагаетъ, что каждый изъ соучастниковъ стоитъ объективно въ извѣстномъ причинномъ отношеніи къ событію. Именно соглашеніе является приводящимъ элементомъ, устраняющимъ прекращеніе причинной связи. Оно же создаетъ и единство намѣренія, направленнаго на выполненіе преступнаго дѣянія. Подстрекатель²⁾ отвѣчаетъ не за мысли, желанія, а за преступную дѣятельность, въ которую онъ вложился опредѣленнымъ способомъ; подстрекательство есть только особый видъ причиненія. Подстрекатель³⁾ долженъ дѣйствовать не только умышленно, но и съ опредѣленнымъ отгѣнкомъ умысла—выполнить задуманное посредствомъ другого лица или при участіи этого лица; умыселъ подстрекателя направляется къ учиненію

¹⁾ loc. cit., 738.

²⁾ Ibid., 764.

³⁾ Ibid., 767.

преступнаго дѣянія. Такъ какъ ¹⁾ подстрекатель выполняетъ дѣянія чрезъ другого, то для него центральнымъ пунктомъ является учиненное исполнителемъ. Въ подстрекательствѣ прежде всего нельзя видѣть отдѣльнаго самостоятельнаго преступленія, осуществляемаго актомъ склоненія. Этимъ моментомъ оканчивается роль подстрекателя въ соучастіи, но вовсе не опредѣляется существо его дѣятельности, направленной къ осуществленію подговора, т. е. къ совершенію преступленія.

Я здѣсь не собираюсь критиковать эту доктрину, которой, во всякомъ случаѣ, нельзя отказывать въ единствѣ, стройности и логичности. Для цѣлей моего очерка достаточно констатировать, что это и есть доктрина уголовного уложенія. Отсюда и должны быть сдѣланы выводы по отношенію къ отвѣтственности провокатора. Вотъ какъ рѣшается вопросъ Н. С. Таганцевымъ: въ дѣятельности провокатора совмѣщаются всѣ существенныя условія подстрекательства: онъ сознавалъ, что онъ подговариваетъ другое лицо, онъ сознавалъ, что онъ подговариваетъ къ преступному дѣянію, онъ сознавалъ, что послѣдствіемъ его подговора будетъ или, по крайней мѣрѣ, можетъ быть преступная дѣятельность вовлеченнаго. Мало того, онъ не только сознавалъ послѣднее условіе, но и желалъ его наступленія, а съ тѣмъ вмѣстѣ желалъ (здѣсь очевидно пропущены слова: учиненія преступнаго дѣянія) или, по крайней мѣрѣ, безразлично относился къ таковому.

Но если бы дѣло обстояло такъ, то не о чемъ было бы и спорить. Затрудненія возникаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда провокаторъ не желаетъ и не допускаетъ преступнаго результата, когда онъ знаетъ, что этотъ результатъ будетъ предотвращенъ, когда ему желательно только создать такую обстановку, при которой намѣченная жертва попала бы въ руки власти. Самъ Таганцевъ, повидимому, сознаетъ допускаемую имъ натяжку, и потому употребляетъ выраженіе «преступная дѣятельность вовлеченнаго». Но подстрекательство предполагаетъ не «преступную дѣятельность» вообще, а опредѣленное преступное дѣяніе. И вся контроверза о провокаторѣ вытекаетъ изъ предположенія, что воля его не направлена на осуществленіе этого преступнаго дѣянія.

Мы, такимъ образомъ, приходимъ къ выводу, что провокаторъ, желавшій выполненія оконченнаго преступнаго дѣянія или сознательно его допускающій, наказуемъ какъ подстрекатель: это несомнѣнно, и въ этомъ отношеніи доктрина уже давно разъяснила, что такой провокаторъ-подстрекатель не можетъ сослаться ни на одно изъ обстоятельствъ, устраняющихъ наказуемость. Но, съ другой стороны, не надо забывать, что такой провокаторъ—подстрекатель всегда имѣетъ возможность рассчитывать на безнаказанность

посредствомъ осуществленія условій, указанныхъ въ послѣдней части ст. 51: отказа отъ участія и своевременнаго принятія всѣхъ зависѣвшихъ отъ него мѣръ для предотвращенія преступнаго дѣянія. Наше уголовное уложеніе не даетъ при этомъ рѣшительно никакихъ основаній для принятія вышеизложеннаго взгляда Heilborn'a: оно совершенно не требуетъ отъ подстрекателя, чтобы онъ постарался воздѣйствовать на волю подстрекнутаго въ обратномъ направленіи. Всякая форма предотвращенія, въ томъ числѣ и простой доносъ, идутъ ему на пользу.

Съ другой стороны, агентъ-провокаторъ, дѣйствительно полагавшій предотвратить преступное дѣяніе, къ совершенію котораго онъ склонилъ другое лицо, но совершеніе котораго онъ не допускалъ, не можетъ быть наказанъ по уголовному уложенію какъ подстрекатель, хотя бы преступленіе и было совершено. Онъ можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ отвѣчать за *delictum sui generis*, когда провокація произошла въ формѣ, запрещенной уголовнымъ закономъ, напримѣръ, по ст. 129 уг. ул. Можно привести здѣсь любопытный случай такой провокаціи, цитируемый Katzenstein'омъ. Въ 1880 г. въ Парижѣ былъ основанъ органъ «*La révolution sociale*»—первый по времени анархистскій органъ во Франціи. Необходимыя средства были даны полицейскимъ агентомъ, который представился въ качествѣ восторженнаго товарища въ «святѣмъ дѣлѣ». Онъ, какъ оказывается, дѣйствовалъ по порученію полицейскаго префекта Andrieux, который впослѣдствіи объяснялъ свой образъ дѣйствій тѣмъ, что онъ только такимъ путемъ могъ раскрыть анархистскія преступленія, такъ какъ никакія тайны не будутъ скрыты отъ того, кто даетъ деньги. «*Révolution sociale*» почти въ каждомъ номерѣ возбуждала къ учиненію преступленій и давала подробные рецепты для изготовленія и примѣненія взрывчатыхъ веществъ.

Вспоминая недавно облетѣвшую всѣ газеты исторію съ марксистскимъ журналомъ, основаннымъ на средства департамента полиціи, приходится сказать: ничто не ново подъ луною!..

Равнымъ образомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда провокація выражается въ провозѣ, такъ называемой «нелегальной литературы», въ снабженіи ея, въ изготовленіи и доставленіи взрывчатыхъ средствъ и т. п., виновные должны отвѣчать по соотвѣтствующимъ статьямъ уголовного закона, они никакимъ образомъ не могутъ быть освобождены отъ наказанія на томъ основаніи, что дѣятельность ихъ направлена была на поимку того или другого преступника. И если въ роли такихъ провокаторовъ выступаютъ должностныя лица, вообще служащіе, то трудно представить себѣ большее извращеніе понятій о служебныхъ правахъ и обязанностяхъ, болѣе грубое нарушеніе служебнаго долга.

Наконецъ, во всѣхъ случаяхъ, когда законъ предусматриваетъ и караетъ подговоръ къ

¹⁾ Ibid., 777.

преступному дѣянію, провокаторъ долженъ отвѣчать за провокаторскую дѣятельность, выразившуюся въ такомъ подговорѣ. Въ видѣ примѣровъ, можно привести ст. 102, говорящую въ послѣдней части о подговорѣ составить сообщество для учиненія тяжкаго преступления, статьями 99 и 100 предусмотрѣннаго, ст. 121—123, говоряція о подговорахъ къ скопищамъ и т. п. Здѣсь провокаторъ не можетъ ссылаться на конечную свою цѣль, ибо законъ здѣсь смотритъ на подговоръ не какъ на форму соучастія, а именно какъ на *delictum sui generis*, по отношенію къ которому могутъ имѣть значеніе только общія основанія невмѣненія: принадлежность къ агентамъ-провокаторамъ среди таковыхъ непредусмотрѣна.

Промежуточными случаями слѣдуетъ признать тѣ, когда провокаторъ склонялъ къ преступленію, предвидя возможность его совершенія, но по терминологіи уголовного уложенія, легкомысленно полагая предотвратить преступный результатъ. Такъ какъ система уголовного уложенія не допускаетъ неосторожнаго соучастія, то и о неосторожномъ подстрекательствѣ не можетъ быть и рѣчи. Поэтому такой провокаторъ, въ случаѣ наступленія преступнаго результата, можетъ отвѣчать лишь за, такъ наз., *luxuria*, за преступную самонадѣянность, тогда какъ физическій виновникъ будетъ отвѣчать за умышленную вину.

Для полноты догматическаго анализа необходимо остановиться еще на вопросѣ объ отвѣтственности провокатора въ томъ случаѣ, если въ его намѣреніе входило лишь учиненіе исполнителемъ покушенія. Нужно замѣтить, что самая постановка такого вопроса, вызвавшая большой споръ въ нѣмецкой литературѣ, возможна въ нашемъ правѣ только въ примѣненіи къ дѣйствующему уложенію о наказаніяхъ. Дѣло въ томъ, что новое уголовное уложеніе даетъ такое опредѣленіе покушенія, при которомъ элементомъ его состава является недовершеніе «по обстоятельству, отъ воли виновнаго не зависѣвшему». Поэтому, невозможно себя представить, чтобы умыселъ виновнаго былъ направленъ именно на покушеніе, ибо въ такомъ случаѣ оказалось бы, что этотъ умыселъ охватываетъ такія обстоятельства, которыя отъ воли виновнаго не зависятъ. По системѣ уголовного уложенія, умыселъ можетъ быть направленъ только на приготовленіе, или на оконченное дѣяніе. Привходящее обстоятельство, отъ воли виновнаго не зависѣвшее, прерываетъ осуществленіе умысла до конца и создаетъ наказуемое покушеніе, при наличности прочихъ объективныхъ признаковъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что виновный началъ приводить въ исполненіе преступное дѣяніе. Поэтому, по самому существу понятія покушенія, какъ оно опредѣлено въ уложеніи, «подстрекательство къ покушенію» юридически невозможно, это есть *contradictio in adjecto*. Можно только сказать,

что если подстрекатель желалъ начала приведенія въ исполненіе преступнаго дѣянія, то онъ подлежитъ отвѣтственности, поскольку содѣянное является преступнымъ и въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ его намѣреніе совпадаетъ съ намѣреніемъ исполнителя. Такимъ образомъ, если провокаторъ подстрекалъ къ нанесенію побоевъ, а исполнитель, нанося эти побои, имѣлъ въ виду причинить смерть, которая и произошла, то подстрекатель долженъ отвѣчать только за побои, а не за результатъ.

Приблизительно такъ же рѣшается вопросъ съ точки зрѣнія уложенія о наказаніяхъ, текстъ котораго, во всякомъ случаѣ, не исключаетъ возможности подстрекательства къ покушенію. Н. С. Таганцевъ полагаетъ, что «если бы и встрѣтились такіе случаи, когда кто либо подстрекалъ другого только къ покушенію и подстрекнутый совершилъ только таковое, то и подстрекатель отвѣчаетъ за покушеніе, а если подстрекнутый пошелъ далѣе и перешелъ предѣлы подговора, то къ отвѣтственности подстрекателя примѣняются общія правила объ эксцессахъ исполнителя»¹⁾.

V.

Догматическій нашъ анализъ законченъ. Мы видѣли, что утвердительное рѣшеніе вопроса объ уголовной отвѣтственности агента-провокатора возможно лишь съ извѣстными оговорками, и что даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ является настоящимъ подстрекателемъ, въ техническомъ смыслѣ слова, послѣдняя часть ст. 51 предлагаетъ ему золотой мостъ къ безнаказанности. Намъ остается показать, что правильно оцѣненные результаты этого разбора не только не колеблютъ, но усиливаютъ то отрицательное отношеніе къ провокаціи, которое видитъ въ ней не только огромное нравственное зло, но институтъ, совершенно нетерпимый и недопустимый въ культурномъ правовомъ государствѣ.

Въ самомъ дѣлѣ: мы видѣли, что провокаторство отдѣляется отъ уголовно-наказуемаго подстрекательства однимъ признакомъ—направленіемъ воли, т. е. внутреннимъ отношеніемъ подстрекавшаго къ преступному результату. Въ обыкновенныхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о подстрекателѣ и о совершенномъ подстрекуемымъ преступномъ дѣяніи, вопросъ объ этомъ направленіи воли разрѣшается судомъ, причемъ подстрекателю, сознательно склонявшему другого къ совершенію преступления, предстоитъ трудная задача—доказать, что осуществленіе преступнаго дѣянія не входило въ его намѣреніе. Но, обращаясь къ услугамъ политическихъ провокаторовъ, власть какъ бы заранее отказывается задавать этотъ вопросъ. Она какъ бы ставитъ свой бланкъ на будущія дѣянія провока-

¹⁾ Loc. cit., 768. Н. С. Таганцевъ, повидимому, относитъ свое сужденіе и къ уголовному уложенію, но здѣсь терминологія его, какъ мы видѣли, неправильна.

тора. Она заключаетъ съ нимъ оборонительно-наступательный союзъ, въ результатъ котораго онъ оказывается по отношенію къ судебной власти какъ бы внѣ предѣловъ досягаемости. Вся чудовищность такого положенія становится ясной, если представить себѣ, что намѣренія могутъ мѣняться, что агентъ-provokatorъ въ любую минуту можетъ передумать и дать совершиться преступному дѣянію.

Агентъ-provokatorъ (назовемъ его А.) сегодня, 15 февраля, провоцируетъ Б. къ террористическому акту, намѣреваясь его своевременно предотвратить. Актъ этотъ долженъ совершиться завтра. Б. согласился. Завтра утромъ долженъ быть сдѣланъ доносъ и устроенъ «проваль». Проходитъ день, ночь. И вотъ за это время въ намѣреніяхъ А. происходитъ переворотъ. Руководимый тѣмъ или другимъ мотивомъ, онъ даетъ совершиться убійству. Не нужно привлекать на помощь ученіе о *dolus subsequens* для того, чтобы въ такомъ случаѣ признать его виновность. Кто разберется въ этихъ оттенкахъ? Судь? Но можно ли себѣ представить, что та самая власть, которая рѣшила воспользоваться услугами provokatora, проверитъ его профессиональную «добросовѣстность» путемъ судебного изслѣдованія? Очевидно, она первая заинтересована въ сокрытіи своего участія въ фактѣ провокаціи: есть связи, въ которыхъ *coram publico* признаваться совѣстно...

Но и помимо такихъ «осложненій», самое обращеніе къ провокаціи не можетъ не свидетельствовать о томъ, что для власти правоохраненные интересы частныхъ лицъ и общества являются предметомъ азартной игры, и притомъ съ участіемъ шулеровъ и лицъ, ведущихъ или способныхъ вести двойную игру. Удастся игра — хорошо, не удастся — на счетъ прибылей и убытковъ приходится относить погибшія жизни, истребленные имущества, мирясь съ неизбежностью извѣстныхъ потерь. Но такое примиреніе возможно только при полномъ паденіи уровня нравственныхъ требованій, которымъ должна удовлетворять всякая культурная уважающая себя и достойная уваженія власть.

Нельзя, далѣе, упускать изъ виду оцѣнку провокаціи не съ точки зрѣнія ея уголовной наказуемости, а съ точки зрѣнія противоправности — *Rechtswidrigkeit*, по нѣмецкому выраженію, — дѣйствій provokatora. Пусть provokatorъ не всегда наказуемъ: все же въ дѣйствіяхъ его этотъ элементъ противоправности объективно существуетъ. Provokatorъ можетъ не желать преступленія, но онъ всегда желаетъ создать рѣшившагося на преступленія. Съ внѣшней стороны, какъ мы уже видѣли, его дѣятельность ничѣмъ не отличается отъ дѣятельности подстрекателя. Правда, современное уголовное право не смотритъ, по общему правилу, на подстрекательство какъ на *delictum sui generis*. Но оно, конечно, признаетъ, что подстрекательство къ преступленію есть дѣятельность, по са-

мому характеру своему враждебная праву, опасная для общественнаго блага. И потому, пользуясь provokatorами, власть подрываетъ тѣ самые устои, на которыхъ она зиждется. Она тѣмъ самымъ показываетъ, что для нея требованія права, его велѣнія не суть ничто *an und für sich* нерушимое и священное, — она первая подаетъ примѣръ неуваженія къ нимъ, торгашескаго взвѣшиванія интересовъ, жертвованія одними для вящаго сохраненія другихъ.

Пользованіе услугами provokatorовъ есть грубое извращеніе существа полицейско-предупредительной дѣятельности; связанное неизбежно съ такимъ пользованіемъ, обѣщаніе безнаказанности — напередъ обезпеченный отказъ отъ привлеченія provokatora къ уголовной отвѣтственности — есть не что иное, какъ преступное злоупотребленіе властью.

Еще одного послѣдствія существованія провокаціи не слѣдуетъ забывать. Рекрутируемые изъ нравственныхъ подонковъ общества, съ атрофированной совѣстью, provokatory прежде всего и естественно смотрятъ на свои обязанности съ точки зрѣнія тѣхъ личныхъ выгодъ матеріальнаго характера, которыя они могутъ получить. Чѣмъ шире такой provokatorъ разовьетъ свою дѣятельность, другими словами — чѣмъ большее число жертвъ попадется въ его сѣти, тѣмъ болѣе растетъ его значеніе, прибавляется его вѣсъ въ глазахъ его довѣрителей. И постепенно всѣ помыслы его поневолѣ должны сосредоточиваться на созданіи такихъ жертвъ. Получается ничто самодовлѣющее, какая-то дьявольская машина, создающая зло для его истребленія, всѣмъ своимъ существованіемъ связанная съ этимъ зломъ, имъ питаемая, а потому — его питающая. Получается тотъ воистину порочный кругъ, изъ котораго невозможно выйти.

Послѣ всего сказаннаго нельзя не отнестись иначе, какъ съ самымъ рѣшительнымъ отрицаніемъ, къ тѣмъ попыткамъ реабилитировать институтъ агентовъ-provokatorовъ, которыя за послѣднее время были сдѣланы.

Такъ, Katzenstein говоритъ ¹⁾: «Мы не должны забывать одно: пусть агенты-provokatory дѣйствуютъ иногда и подъ вліяніемъ низменныхъ мотивовъ, все же они дѣйствуютъ по уполномочію государства (!), въ интересахъ правопорядка, и часто съ опасностью для собственной жизни: — достаточно вспомнить о тѣхъ агентахъ, которые вкрадываются въ довѣріе къ анархистамъ, для того, чтобы разрушить ихъ дьявольскіе планы. Неужели же въ самомъ дѣлѣ было бы справедливо тащить этихъ агентовъ, подобно обыкновеннымъ преступникамъ, на скамью подсудимыхъ? Никогда!»

Аналогично разсуждаетъ и Kohler ²⁾: «Я не хочу защищать полицейскія мѣропріятія, при которыхъ пользуются агентами-provokatorами:

¹⁾ *loc. cit.* 389.

²⁾ *Ibid.*

однако, несомненно, что въ некоторыхъ случаяхъ нельзя обойтись безъ агента-provokatora. Чѣмъ искуснѣе и обдуманнѣе становится преступность, чѣмъ болѣе она окружаетъ себя всѣми техническими пособіями, чтобы, съ одной стороны, обезпечить себѣ успѣхъ, а, съ другой, — охранить себя отъ раскрытія, тѣмъ болѣе мнѣ представляется естественнымъ, что государство пользуется всякимъ испытаннымъ средствомъ для того, чтобы помѣшать дѣлу тьмы, и къ этимъ средствамъ относится пользованіе агентами-provokatorami: безъ детективовъ и агентовъ-provokatorovъ, по моему мнѣнію, современное общество не можетъ существовать. Неужто государство должно лицедрѣть, какъ шайка фальшивыхъ монетчиковъ или банда убійцъ спокойно дѣйствуетъ, когда оно имѣетъ возможность, посредствомъ подсылки искуснаго агента съ provokatorskimi полномочіями, напасть на слѣдъ дѣла?»

Наконецъ, и Dorffel ссылается на то, что угрожающая опасность разрѣшаетъ примѣненіе исключительныхъ средствъ.

Въ разсужденіяхъ Kohler'a и Katzenstein'a provokatorstvo возводится на степень государственнаго общепользнаго института. Трудно не назвать эту точку зрѣнія — возмутительной, но еще труднѣе — закрыть глаза на ея практическую несостоятельность.

Оказывается, что въ «современномъ государствѣ», располагающемъ всею силою репрессіи и розыска, предупрежденіе преступленій должно, между прочимъ, быть достигаемо посредствомъ — возбужденія къ ихъ совершенію... Оказывается, что такая провокація совершается въ интересахъ правопорядка. Но достойно вниманія, что provokatorstvo до сихъ поръ было удѣломъ не «современнаго государства», а тѣхъ странъ, гдѣ правового порядка не было, и принципъ законности не успѣлъ стать одинаково священнымъ для всѣхъ. Самое предположеніе, что современный общественный строй не можетъ не опираться на детективовъ и агентовъ-provokatorovъ, если-бы оно было правильно, заключало бы въ себѣ безпощадный нравственный приговоръ этому обществу. Агентъ-provokatorъ въ роли общественнаго спасителя — дальше этого, кажется, идти некуда, болѣе рѣшительнаго вызова нравственному чувству и здравому смыслу нельзя себѣ и представить.

Примѣры Kohler'a сами по себѣ, конечно, совершенно нелѣпы. Для того, чтобы привлечь къ уголовной отвѣтственности шайку убійцъ или фальшивыхъ монетчиковъ, нѣтъ, конечно, никакой необходимости прибѣгать къ провокаціи: достаточно ихъ выслѣдить и собрать необходимыя улики. Kohler какъ-бы предполагаетъ, что для власти существуютъ только двѣ возможности: либо закрывать глаза и относиться равнодушно къ преступной дѣятельности такихъ шайекъ, либо провоцировать къ новымъ преступленіямъ. Странно, что забыть третій, един-

ственно вѣрный путь: имѣть хорошіе органы розыска, которые бы сумѣли раскрыть преступленіе и изобличить виновныхъ. Повторяю: неужели не трюизмъ, что это единственно вѣрный, единственно достойный правового государства путь?

Остается, наконецъ, аргументъ о «героизмѣ» provokatorovъ, рискующихъ жизнью въ случаѣ раскрытія ихъ роли. Но вѣрить ли самъ авторъ въ этотъ аргументъ? Дѣйствительно ли онъ видитъ героевъ въ тѣхъ лицахъ, которыя идутъ на извѣстный профессиональный рискъ, точно оцѣненный въ соответствующемъ тарифѣ? Можно въ этомъ усомниться, можно думать, что дѣйствительная жизнь еще ни разу не создавала идеалиста - provokatora, вдохновленнаго государственной идеей.

Воображенію нѣмецкаго ученаго представляется эффектная картина неустрашимаго храбреца, готоваго принести свою жизнь въ жертву интересамъ правопорядка. Дѣйствительность даетъ другое, и отъ этого «другого» съ гадливостью и ужасомъ отворачивается здоровое этическое чувство. Kohler рисовалъ намъ героя; жизнь покажетъ дала намъ — Азефа.

Влад. Набоковъ.

Объ отвѣтственности справочныхъ конторъ о кредитоспособности.

I.

Въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ кредитъ давно уже завоевалъ очень видное мѣсто, и лишь при его содѣйствіи могъ осуществиться наблюдаемый нами нынѣ неимоверный размахъ торгово-промышленныхъ оборотовъ. Благодаря кредиту, предприниматель не долженъ ждать, пока весь его продуктъ найдетъ сбытъ, а можетъ, не останавливаясь, продолжать производить все новыя и новыя цѣнности. Онъ не стремится урвать сразу огромную прибыль, а довольствуется относительно небольшимъ барышемъ съ каждой отдѣльной единицы своего товара; при этомъ, однако, онъ заставляетъ число такихъ единицъ непрерывно возрастать, пуская капиталъ все снова и снова въ оборотъ. Необходимая ему быстрота бѣга, однако, недоступна грузному и косному денежному капиталу, и его въ этомъ направленіи вытѣсняетъ подвижный и легкій кредитъ.

Кредитъ, какъ и деньги, дается не безъ эквивалента; разница лишь въ томъ, что деньги символизируютъ созданную, произведенную цѣнность, кредитъ же дается въ обмѣнъ на извѣстную потенцію, на цѣнности, которыя либо еще не произведены, либо уже произведены, но не поступили еще въ оборотъ. Во всѣхъ случаяхъ кредита въ его основѣ лежитъ довѣріе къ кредитному, какъ производительной единицѣ, и

чѣмъ большую роль играетъ кредитъ въ торгово-промышленномъ оборотѣ, тѣмъ болѣе это довѣріе выходитъ изъ сферы нравственно-соціальной и переходитъ въ область правовыхъ явленій. Пользуясь терминологіей проф. Петражицкаго, можно сказать, что кредитъ становится отношеніемъ императивно-аттритивнымъ, т. е. на сторонѣ кредитуемаго создается извѣстное притязаніе, которому соответствуетъ опредѣленная обязанность окружающихъ. Въ чемъ же состоитъ это притязаніе?

Притязаніе лица на валютность его обязательствъ нельзя, однако, понимать въ томъ смыслѣ, что каждый можетъ требовать отъ входящихъ съ нимъ въ сдѣлку лицъ, чтобы они оказывали ему на извѣстную сумму кредитъ, и можетъ въ случаѣ ихъ отказа обжаловать ихъ дѣйствія въ судъ. Кредитная сдѣлка зависитъ, какъ и всякій договоръ, отъ обоюднаго согласія сторонъ, и иски о понужденіи къ заключенію договора или объ убыткахъ, причиненныхъ незаключеніемъ договора, если этому не предшествовалъ *factum de contrahendo*, по общему правилу, недопустимы.

Кредитъ, какъ правовое явленіе, есть притязаніе общаго характера, состоящее въ требованіи отъ окружающихъ, чтобы они своими дѣйствіями не наносили ущербъ силѣ (валютности) обязательствъ даннаго лица. Своей положительной стороной это притязаніе представляетъ собой право лица требовать вознагражденія за имущественный ущербъ, причиненный его кредиту другими лицами.

Это притязаніе, однако, будетъ рѣдко осуществимо, ибо отзывы о чужомъ кредитѣ неуловимы, пока ихъ высказываютъ лица, не связанные никакой организаціей. Лишь въ рѣзкихъ случаяхъ клеветы или оскорбленія заинтересованное лицо будетъ въ состояніи уличить виновнаго. Иначе обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ организованной дачей отзывовъ о чужомъ кредитѣ, при томъ за извѣстное вознагражденіе. По отношенію къ такого рода учрежденіямъ, такъ называемымъ справочнымъ конторамъ о кредитоспособности, или інформаціоннымъ бюро, разсматриваемыя нами притязанія представляются вполне возможными и осуществимыми. Весь вопросъ лишь въ томъ, какъ далеко они могутъ идти; къ его разсмотрѣнію мы и обратимся.

II.

Юридическія отношенія справочныхъ конторъ о кредитоспособности весьма разнообразны. Прежде всего мы здѣсь находимъ ихъ положеніе въ государствѣ и обществѣ, а затѣмъ совокупность ихъ отношеній къ частнымъ лицамъ.

На первомъ вопросѣ мы остановимся лишь вкратцѣ. Государство можетъ предоставить справочнымъ конторамъ о кредитоспособности полную свободу промысла, или же поставить имъ въ законѣ извѣстныя общія ограничительныя условія, или, наконецъ, подчинить ихъ системѣ

концессій. Нашъ законъ (высоч. утв. мн. гос. сов. 9 мая 1905 г. и утвержденныя министромъ торговли и промышленности 23-го ноября 1905 г. «правила о порядкѣ дѣлопроизводства и отчетности справочныхъ конторъ о кредитоспособности») принялъ концессионную систему, причемъ онъ предписываетъ такимъ конторамъ соблюденіе слѣдующихъ условій:

1) внесеніе залога въ 25.000 руб. за контору и первыя три отдѣленія ея и по 5.000 руб. за каждое слѣдующее отдѣленіе;

2) утвержденіе формы выдаваемыхъ справокъ отдѣломъ торговли;

3) храненіе копій выданныхъ справокъ въ теченіе 10 лѣтъ;

4) сообщеніе инструкціи свсего дѣлопроизводства и формы денежныхъ книгъ отдѣлу торговли и отсутствіе возраженій съ его стороны;

5) представленіе ежегоднаго отчета о числѣ выданныхъ справокъ, отдѣльно по родамъ торговли и промышленности и по мѣстностямъ Россіи.

Вопросъ объ отношеніи конторъ къ частнымъ лицамъ ни въ законѣ, ни въ правилахъ не затронутъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ его рѣшеніе будетъ въ извѣстной степени зависѣть отъ содержанія молчаливо санкціонированной отдѣломъ торговли инструкціи дѣлопроизводства справочной конторы. Но главную опору придется искать въ общемъ законодательствѣ.

Отношенія справочныхъ конторъ о кредитоспособности къ частнымъ лицамъ распадаются на 3 группы:

а) отношенія къ агентамъ (корреспондентамъ, *Rechercheur*) конторъ;

б) отношенія къ абонентамъ, т. е. къ лицамъ, запрашивающимъ контору о чужой кредитоспособности, и

в) отношенія къ лицамъ, о кредитоспособности которыхъ наводится справка и которыхъ мы будемъ называть «кредитуемыми».

Лица, упомянутыя въ первыхъ двухъ группахъ, имѣютъ между собой то общее, что къ нимъ контора состоитъ въ договорныхъ отношеніяхъ. Съ агентомъ контору связываетъ договоръ личнаго найма. На отношеніяхъ къ абоненту мы подробно останавливаться тоже не будемъ, такъ какъ ихъ освѣщеніе зависитъ въ значительной степени отъ содержанія заключеннаго между сторонами договора. Упомянемъ лишь, что по отношенію къ агентамъ конторы обыкновенно принимаютъ на себя обязательство сохраненія ихъ имени въ тайнѣ и совершеннаго вытѣсненія личности агента юридической личностью бюро. Въ отношеніяхъ къ абонентамъ, конторы принимаютъ на себя обязательство выдавать имъ справки безъ промедленія и по болѣе или менѣе тщательной ихъ провѣркѣ. Что же касается ответственности конторъ за содержаніе справокъ, то юридически справка не можетъ быть даже приравнена къ совѣту, ибо цѣль и содержаніе ея лишь інформаціон-

ныя. Но если бы даже приравнять ее къ совѣту, то и въ такомъ случаѣ объ отвѣтственности не можетъ быть рѣчи въ силу отсутствія причинной связи между справкой и свободнымъ волеизъявленіемъ стороны. Это начало безотвѣтственности за данный совѣтъ вошло въ Германіи въ законъ (§ 676 B.G.B.), а у насъ признано судебной практикой (рѣш. гр. касс. деп. 1868 г. № 55). Но помимо того конторы стремятся довести свою отвѣтственность передъ абонентами до minimum'a еще путемъ самихъ договорныхъ соглашеній. Въ большинствѣ справочныхъ конторъ практикуется внесеніе въ договоры съ абонентами (или иногда въ справки) особыхъ поговорокъ: «ohne Praejudiz», «ohne Obligo» и т. п., что означаетъ приблизительно «безъ гарантіи». Иногда этимъ оговоркамъ придается болѣе точная юридическая формулировка и опредѣляется, что за ошибку и вину контора не отвѣчаетъ. При наличности такихъ клаузулъ — объ отвѣтственности можетъ идти рѣчь лишь въ случаѣ умысла, который не можетъ быть въ своихъ послѣдствіяхъ обезвреженъ никакими оговорками (§ 276 B.G.B.).

Поэтому не здѣсь, а въ отвѣтственности справочныхъ конторъ передъ «кредитуемыми», т. е. лицами, о которыхъ справка выдается, центръ интереса всего вопроса.

Нарушеніе интересовъ кредитуемыхъ можетъ быть разсматриваемо съ двухъ сторонъ: уголовно- и гражданско-правовой. Насъ интересуетъ преимущественно гражданская сторона, уголовная же лишь постольку, поскольку изъ нея можетъ быть выведена отвѣтственность гражданская.

III.

Въ русскомъ законѣ вопросъ о кредитѣ разсматривается въ уставѣ кредитномъ, въ ст. 1149—1168 улож. о нак. и въ ст. 670 гражд. зак. Уставъ кредитный регламентируетъ лишь организацію и дѣятельность государственныхъ, общественныхъ и частныхъ кредитныхъ учреждений и для насъ въ данномъ случаѣ интереса не представляетъ. Уложение о наказаніяхъ занимается въ ст. 1149—1159 охраной лишь государственнаго и общественнаго кредита, о частномъ кредитѣ говорятъ лишь ст. 1160—1168, но и то лишь въ случаяхъ подлога чужихъ векселей и банкротства. Наконецъ, въ ст. 670 т. X, ч. 1 предусмотрѣнъ случай, когда личное оскорбленіе причиняетъ оскорбленному вмѣстѣ съ тѣмъ ущербъ въ кредитѣ, въ какомъ случаѣ наступаетъ и гражданская отвѣтственность обидчика. Въ остальномъ же къ нарушеніямъ частнаго кредита въ Россіи приходится примѣнять общія постановленія объ оскорбленіи и клеветѣ, когда составъ ихъ данъ характеромъ распространяемой о чужой кредитоспособности справки, и ст. 684 и сл. т. X, ч. 1, когда нарушенія не составляютъ сами по себѣ преступленія или проступка.

Примѣненіе уголовныхъ нормъ къ дѣйствіямъ справочныхъ конторъ о кредитоспособности будетъ сравнительно рѣдкимъ случаемъ, ибо въ большинствѣ случаевъ будетъ отсутствовать animus injuriandi. Если же онъ будетъ констатированъ, то гражданская отвѣтственность конторы наступитъ автоматически въ силу ст. 670 т. X ч. 1.

Въ остальныхъ случаяхъ гражданская отвѣтственность справочныхъ конторъ должна быть регулируема въ соотвѣтствіи съ принципомъ «qui suo jure utitur, neminem laedit». Дѣйствія, совершаемыя въ осуществленіе своего права, не создаютъ отвѣтственности за проистекшіе для постороннихъ лицъ вредъ и убытки (рѣш. гр. касс. деп. 1883 г. № 78 и др.). Но справочныя конторы о кредитоспособности въ силу закона и правилъ 1905 г. получили право на существованіе и дѣятельность, и потому все то, что онѣ предпринимаютъ, не составляетъ гражданского деликта, пока онѣ остаются въ предѣлахъ предоставленнаго имъ права. Но какъ далеко идетъ это право?

Въ силу обычныхъ договорныхъ отношеній съ своими абонентами конторы обязуются сообщать имъ всѣ свѣдѣнія, которыя до нихъ дойдутъ относительно дѣловой сферы кредитуемаго, хотя бы то были простые слухи. Такой договоръ ничего противозаконнаго въ себѣ не заключаетъ и, разъ вступивъ въ силу, создаетъ на сторонѣ конторы обязанность и—право сообщать абонентамъ все то, что конторѣ о кредитуемомъ станетъ извѣстно, презюмируя, конечно, bonam fidem относительно даннаго сообщенія. Передавая дошедшія до нея свѣдѣнія и слухи своимъ абонентамъ, контора—слѣдовательно—дѣйствуетъ въ предѣлахъ своего права и безотвѣтственна.

Болѣе того. Неисполненіе лежащей на справочной конторѣ обязанности доводить до свѣдѣнія абонентовъ все то, что она узнаетъ о кредитуемомъ, представляло бы собой упущеніе, которое могло бы повлечь за собой отвѣтственность передъ абонентомъ за причиненные ему такимъ упущеніемъ убытки. Эта отвѣтственность вытекаетъ изъ абонементнаго договора, а не изъ содержанія выданной справки, но другой своей стороной, логическимъ выводомъ изъ нежеланія справочной конторы отвѣчать передъ абонентомъ, она обосновываетъ безотвѣтственность конторы передъ кредитуемымъ. Отвѣтственность передъ послѣднимъ наступаетъ лишь тогда, когда падаетъ обязательство передъ абонентомъ. Это же происходитъ лишь тогда, когда конторѣ за вѣдомо извѣстно, что дошедшее до нея свѣдѣніе ложно. Передача такого свѣдѣнія абонентамъ составляетъ уже dolus, какъ въ сторону абонентовъ, такъ и по отношенію къ кредитуемому, и только въ этомъ случаѣ возникаетъ право иска къ конторѣ.

Такое толкованіе принципа осуществленія

права дается существом договорных отношений справочных контор о кредитоспособности къ ихъ абонентамъ; признавая эти отношенія правомѣрными, законъ санкционируетъ и ихъ логическія послѣдствія.

Противъ этого, однако, можетъ быть слышано возраженіе, что совершенно недопустимо предоставлять справочнымъ конторамъ такую свободу распоряженія чужимъ добрымъ именемъ и чужимъ кредитомъ. Хотя это возраженіе переноситъ весь вопросъ на почву *de lege ferenda*, намъ все же необходимо подробно на немъ остановиться, ибо законъ и правила 1905 года еще не представляютъ собой послѣдняго слова законодателя относительно правового положенія справочныхъ конторъ о кредитоспособности.

IV.

Въ вопросѣ объ отвѣтственности за убытки, причиненные справочными конторами о кредитоспособности, конкурируютъ два начала: интересъ частнаго кредита, притязаніе частныхъ лицъ на валютность ихъ обязательствъ, и—съ другой стороны—интересы оборота въ цѣломъ, необходимость устраненія препятствій для развитія производительныхъ силъ страны. На сторону частнаго интереса съ его стремленіемъ сузить дѣятельность конторъ встанутъ также все традиціи дѣловыхъ сферъ данной страны, какъ имѣющія почву подъ ногами, такъ и устарѣлыя. Противъ нихъ выступитъ народное хозяйство въ цѣломъ, съ требованіемъ, чтобы были по возможности устранены опасности, грозящія отъ чрезмѣрнаго развитія кредита, отъ кредита спекуляціоннаго, чтобы въ интересахъ прочности оборота заинтересованнымъ лицамъ была дана широкая возможность освѣдомленія о кредитоспособности ихъ контрагентовъ.

Результаты борьбы этихъ двухъ противоположныхъ теченій выкристаллизуются, въ концѣ концовъ, въ рѣшеніи законодателя (или общественныхъ круговъ, которымъ въ данномъ случаѣ принадлежитъ главное вліяніе на законодательное творчество), взять тотъ или иной курсъ. Иначе говоря, правовое положеніе справочныхъ конторъ о кредитоспособности есть не что иное, какъ производное отъ направленія государственной политики въ области промышленности и торговли. Судя по нашему закону (1905 г.), можно думать, что законодатель рѣшилъ сдѣлать пробу, не будучи увѣренъ, какую роль ново-разрѣшаемыя учрежденія могутъ сыграть въ индустріальной и коммерческой жизни страны. Съ тѣхъ поръ прошло три года, могла уже накопиться нѣкоторая практика, и было бы интересно услышать принципиальное сужденіе законодателя по означенному вопросу.

Нѣкоторое облегченіе въ этой задачѣ ему могло бы дать знакомство съ германскимъ закономъ и судебной практикой, къ краткому изложенію которыхъ мы и переходимъ.

Отвѣтственность за причиненіе ущерба чужому кредиту регулируется въ Германіи статьями 186—188 и 193 *Straf.GB.*, § 824 *Bürg. GB.* и § 6 спеціальнаго закона отъ 27-го мая 1896 года о недобросовѣстной конкуренціи. Въ уголовномъ кодексѣ рассматривается случай, когда ущербъ въ кредитъ причиненъ либо обидой, либо клеветой. Въ обоихъ случаяхъ согласно § 188 *StrGB.* наряду съ уголовнымъ наказаніемъ на виновнаго можетъ быть наложена пеня въ пользу оскорбленнаго, если оскорбленіе или клевета повлекли за собой для него имущественный вредъ. Однако, присужденіе такой пени лишаетъ потерпѣвшаго всякаго права на дальнѣйшія притязанія за причиненные ему обидой убытки. Но затѣмъ § 193 *StrGB.* постановляетъ, что—поскольку отзывы о другой личности не оскорбительны по формѣ или по обстановкѣ, при которой они даны—они ненаказуемы, когда они служатъ «для осуществленія правомѣрныхъ интересовъ» («*Wahlnehmung berechtigter Interessen*»). Параграфъ 824 *BGB.* устанавливаетъ въ первой части гражданскую отвѣтственность за распространеніе ложныхъ свѣдѣній, способныхъ повредить чужому кредиту, если неправильность этихъ свѣдѣній—хотя и не была, но должна была быть извѣстна сообщавшему. Вторая часть той же статьи, однако, вводитъ то ограниченіе, что сообщеніе такихъ неправильныхъ свѣдѣній не влечетъ за собой отвѣтственности за убытки, если «сообщающій или тотъ, кому извѣстіе передается, имѣютъ въ этомъ извѣстіи правомѣрный интересъ».

Наконецъ, § 6 закона о недобросовѣстной конкуренціи, касаясь распространенія свѣдѣній о дѣловой сферѣ частныхъ лицъ, которое способно причинить ущербъ ихъ кредиту, дѣлаетъ сообщеніе свѣдѣній, истинность которыхъ не можетъ быть доказана, безотвѣтственнымъ, когда распространяющій или получающій свѣдѣніе осуществляетъ при этомъ правомѣрный интересъ.

Эти постановленія закона, въ особенности ч. 2 § 824 *BGB.* и § 193 *StrGB.*, получили развитіе въ судебной практикѣ, и суды—какъ уголовныя, такъ и гражданскіе—признали, что «правомѣрные интересы» въ смыслѣ закона должны быть признаны и за справочными конторами о кредитоспособности¹⁾.

¹⁾ Апелляціонный судъ въ Карлсруэ пишетъ въ своемъ рѣшеніи отъ 12-го октября 1900 года: «Развитіе современнаго оборота и связанное съ нимъ расширеніе кредита вызвали потребность въ защитѣ оказывающаго кредитъ промышленнаго населенія противъ злоупотребленій со стороны небрежныхъ и злостныхъ дебиторовъ. Удовлетворенію этой потребности идутъ отчасти навстрѣчу т. наз. справочныя бюро... Поскольку эти справочныя бюро дѣйствительно служатъ указанной цѣли и не преслѣдуютъ побочныхъ недобропорядочныхъ задачъ, ихъ дѣятельность должна быть рассматриваема какъ отвѣчающая общественнымъ интересамъ. Соотвѣтственно этому суды и до сихъ поръ исходили въ своихъ рѣшеніяхъ изъ предположенія,

Того же мнѣнія придерживается и теорія ¹⁾.

Что касается ответственности справочныхъ конторъ о кредитоспособности за дѣйствія ихъ агентовъ и служащихъ, то согласно § 278 BGB. за ихъ кульпозныя дѣйствія контора отвѣчаетъ лишь въ мѣру своей самостоятельной отвѣтственности въ подобныхъ случаяхъ, иначе говоря—не отвѣчаетъ вовсе. При наличности *dolus* а со стороны агента отвѣтственность могла бы согласно § 831 BGB. имѣть мѣсто лишь при двухъ условіяхъ: если бы—совершая должное дѣйствіе—агентъ дѣйствовалъ въ предѣлахъ даннаго ему порученія и, во-вторыхъ, если контора при выборѣ этого агента и организациі дѣла не соблюдала должной бдительности (*Sorgfalt*).

VI.

Наряду съ иллюстраціей вопроса примѣрами изъ иностраннаго права, для законодателя имѣетъ главное значеніе разсмотрѣніе самаго института справочныхъ конторъ о кредитоспособности, которыя—какъ и всякое явленіе другое—имѣютъ свою внутреннюю логику.

Дѣятельность этихъ справочныхъ конторъ имѣетъ одну особенность, благодаря которой установленіе ихъ отвѣтственности не только за *dolus*, но и за *culpa lata* означало бы уничтоженіе самихъ конторъ. Дѣло въ томъ, что въ силу характера справокъ и способа ихъ наведенія конторы должны держать въ тайнѣ тѣ источники, изъ которыхъ онѣ черпаютъ свои справки. Ихъ агенты вербуются въ большинствѣ случаевъ изъ числа служащихъ банковъ и торговыхъ предприятий, и изъ купечества. Въ интересахъ достовѣрности собираемыхъ свѣдѣній личность агента не должна быть извѣстна: иначе заинтересованныя лица давали бы удобныя или выгодныя имъ показанія, не соотвѣтствующія истинному положенію дѣлъ. Кромѣ того, агенты въ большинствѣ случаевъ—въ силу ли зависимаго положенія или иныхъ причинъ—должны были бы отказаться отъ принятія на себя обязанности собиранія справокъ, если бы ихъ дѣятельность становилась достояніемъ гласности. Между тѣмъ, споръ противъ обвиненія въ недостаточной *diligentia* можетъ быть проведенъ конторой съ успѣхомъ лишь тогда, когда она въ состояніи привлечь въ качествѣ свидѣтелей тѣхъ лицъ, которыя на мѣстѣ собирали справки и одни лишь могутъ удостовѣрить, что при данномъ стеченіи обстоятельствъ могла быть полу-

чена лишь данная справка и что для выдачи ея имѣлось фактическое основаніе.

Означенную особенность дѣятельности справочныхъ конторъ о кредитоспособности нельзя обойти и посредствомъ умѣлаго распредѣленія *onus probandi* на обѣ заинтересованныя стороны, ибо мы имѣемъ здѣсь дѣло съ вопросомъ уже не процессуальнымъ, а съ вопросомъ матеріальнаго права. На кого бы ни было возложено бремя доказательства,—въ существѣ дѣятельности означенныхъ конторъ лежитъ невозможность возраженій и защиты. Слѣдовательно, введеніе уменьшенной отвѣтственности справочныхъ конторъ о кредитоспособности въ законъ является логическимъ слѣдствіемъ допущенія ихъ къ дѣятельности въ странѣ.

Точно такъ же рѣшается вопросъ объ отвѣтственности конторъ за кульпозныя дѣйствія ихъ агентовъ. Въ силу ст. 687 т. X ч. 1 эта отвѣтственность вполне мыслима, поскольку агенты дѣйствуютъ на основаніи и въ предѣлахъ даннаго имъ порученія и полномочій. Но если бы справочныя конторы стали отвѣчать за агентовъ и въ случаяхъ грубой ихъ неосторожности, то для освобожденія себя отъ отвѣтственности онѣ должны были бы приступить къ доказательству, что агентъ вышелъ въ данномъ случаѣ за предѣлы даннаго ему полномочія и т. п.,—иначе говоря, имъ пришлось бы раскрыть личный составъ своихъ агентовъ, нарушить выговоренную ими анонимность, т. е. предпринять рядъ шаговъ, въ корнѣ подрывающихъ ихъ существованіе и дѣятельность.

Съ этой точки зрѣнія—внутренней логики того института, правовая структура котораго создается,—и приходится отвергнуть отвѣтственность справочныхъ конторъ о кредитоспособности какъ за *culpa lata* ихъ самихъ, такъ и за кульпозныя дѣйствія ихъ агентовъ.

VII.

Здѣсь, однако, возникаетъ одно весьма серьезное возраженіе, хотя и не строго-юридическаго характера, но чрезвычайно важное при рѣшеніи правно-политическихъ вопросовъ.

Не представляетъ ли допущеніе такихъ справочныхъ конторъ, организованныхъ на подобіе сыскныхъ отдѣленій, съ своей тайной агентурой, съ классификаціей всѣхъ «кредитуемыхъ» на разряды по степени ихъ кредитоспособности, съ грандіозными архивами сколлекціонированныхъ справокъ,—не представляютъ ли такіа учреждения серьезной общественной опасности, какъ въ смыслѣ того, что подъ прикрытіемъ такихъ бюро будетъ гнѣздиться нечистоплотный сыскъ, на почвѣ котораго пышно расцвѣтетъ вымогательство и подкупъ, какъ въ смыслѣ деморализаціи нравовъ, такъ, наконецъ, и въ томъ смыслѣ, что такіа конторы могутъ пріобрѣсти огромную власть надъ репутаціей дѣловыхъ людей, а слѣдовательно и надъ ихъ торгово-промышленнымъ преуспѣяніемъ, превратятся въ

что сообщенія о кредитоспособности третьяго лица, дѣлаемые справочными бюро вѣрителямъ этихъ лицъ, чтобы предохранить ихъ отъ убытковъ,—пользуются защитой § 193 StGB. и § 824 ч. 2 BGB. Имперскій судъ, насколько намъ извѣстно, не имѣлъ случая высказаться по данному вопросу.

¹⁾ I a k o b y. Die Krediterkundigung nach ihrer wirtschaftlichen und rechtlichen Seite; S u t r o. Die kaufmännische Krediterkundigung и др.

могущественные тайные и безапелляционные трибуналы?

Для законодателя, поставленного въ рамки современнаго хозяйственнаго строя и вынужденнаго считаться съ постояннымъ ростомъ кредита, — вопросъ сводится лишь къ созданію условій, при которыхъ дѣятельность справочныхъ конторъ о кредитоспособности не давала бы почвы для злоупотребленій.

Прежде всего, это не должны быть непременно частныя конторы, занимающіяся выдачей справокъ, какъ прибыльной для нихъ профессіей. И дѣйствительно, дѣлались попытки рѣшить этотъ вопросъ иначе. Еще въ 80-хъ годахъ надъ этой темой остановился одинъ нѣмецкій юристъ, Отто Майеръ, въ статьѣ ¹⁾ «Die rechtliche Lage der Auskunftsbureaus». Онъ высказалъ мысль, что наилучшій способъ рѣшенія этого вопроса представляла бы организація кредитно-справочнаго дѣла самими торговыми кругами на началахъ коопераціи. Озираясь вокругъ, онъ находилъ, однако, что въ этомъ направленіи сдѣлано чрезвычайно мало, и объяснялъ это индифферентизмомъ заинтересованныхъ лицъ. Но съ тѣхъ поръ прошло 25 слишкомъ лѣтъ, а идея коопераціи на этомъ поприщѣ не привилась, хотя, напримѣръ, въ Германіи организованность торгово-промышленныхъ дѣтелей въ торговыя палаты, во всевозможные союзы заинтересованныхъ лицъ (Interessenverbände) и въ союзы союзовъ шагнула чрезвычайно далеко. Очевидно, чувствуя, что до практическаго осуществленія такой кредитно-справочной коопераціи еще очень далеко (если она вообще жизнеспособна), Майеръ въ той же статьѣ предлагалъ систему, которую онъ характеризовалъ, какъ «mildere Form der Konzession». Учрежденіе справочныхъ конторъ должно быть по-прежнему предоставлено частной инициативѣ, но находится въ зависимости отъ разрѣшенія административной власти. Эта власть, однако, должна при выдачѣ концессій дѣйствовать не одна, а быть усилена общественнымъ элементомъ въ лицѣ торговыхъ палатъ, при помощи которыхъ и долженъ производиться контроль добросовѣстности тѣхъ лицъ, которые ходатайствуютъ о концессіи на справочныя конторы. Для такихъ концессионированныхъ, «апеканте», справочныхъ бюро Майеръ предлагаетъ создать ослабленную отвѣтственность, причемъ наряду съ ними могли бы учреждаться конторы и не-концессионированныя, съ обыкновенной отвѣтственностью.

Основное ядро этихъ разсужденій, несомнѣнно, правильно. Мы представляемъ себѣ, однако, что и по отношенію къ справочнымъ конторамъ о кредитоспособности можно отказаться отъ концессионной системы и предоставить ихъ созданіе свободной частной инициативѣ, предложивъ

лишь тѣмъ лицамъ, которые пожелаютъ пользоваться льготой уменьшенной отвѣтственности, регистрировать свои конторы въ учрежденіяхъ торгово-промышленнаго надзора. Въ спеціальныхъ постановленіяхъ закона должны быть установлены условія созданія и дѣятельности справочныхъ конторъ, а затѣмъ съ момента регистраціи торгово-промышленная инспекція должна получить право постоянной и детальной проверки дѣятельности зарегистрированнаго бюро. Справочныя конторы, не внесенныя въ реестръ, должны быть въ отношеніи отвѣтственности приравнены къ частнымъ лицамъ, т. е. онѣ должны быть отвѣтственны и въ случаѣ грубой неосторожности. Примѣнительно къ германскому гражданскому кодексу можно сказать, что для зарегистрированныхъ справочныхъ конторъ должна дѣйствовать 2-ая часть § 824, а для остальныхъ бюро (какъ и для частныхъ лицъ) — лишь 1-ая часть этого параграфа.

Опасенія относительно моральнаго вреда, грозящаго отъ справочныхъ конторъ о кредитоспособности, могли бы быть такимъ образомъ разсѣяны при помощи умѣлаго опредѣленія въ законѣ условій дѣятельности этихъ конторъ и — чему мы придаемъ особенное значеніе — при посредствѣ интенсивной дѣятельности органовъ торгово-промышленнаго надзора.

В. Л.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ черезъ сіе всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ.

При открытіи настоящаго очереднаго сейма тальманъ его, въ нарушение § 24 сеймоваго устава для Великаго княжества Финляндскаго и, несмотря на сдѣланное ему по указанію Нашему предупрежденіе, позволялъ себѣ высказать отъ имени сейма неумѣстное сужденіе относительно Высочайше утвержденнаго положенія совѣта министровъ о порядкѣ направленія финляндскихъ дѣлъ, касающихся интересовъ имперіи. Сужденіе это доказываетъ, что сеймъ превратно понимаетъ истинный смыслъ названнаго законодательнаго акта, изданнаго лишь въ цѣляхъ огражденія общегосударственныхъ интересовъ, обезпеченіе коихъ всегда должно имѣть первенствующее значеніе.

Усматривая изъ факта заявленія такихъ неумѣстныхъ сужденій, что сеймъ въ настоящемъ случаѣ не руководился сознаніемъ дѣйствительнаго блага Финляндіи, неразрывно связаннаго съ интересами всего государства, Мы при изложенныхъ условіяхъ не ожидаемъ плодотворныхъ результатовъ отъ занятій сейма настоящаго созыва.

Повелѣвъ посему произвести новые выборы сеймовыхъ депутатовъ, признали Мы за благо распустить нынѣшній очередной сеймъ 9 (22) февраля текущаго года и созвать, согласно § 18 утвержденаго Нами 7 (20) іюля 1906 года сеймоваго устава,

¹⁾ Jahrbuch für Gesetzg. und Verwaltung. 1882. Bd. IV, pp. 1259—1265.

новый сеймъ 1 іюня 1909 года, по новому стилю, въ городѣ Гельсингфорсѣ, а потому всѣмъ лицамъ, кои будутъ избраны въ сеймовые депутаты, надлежитъ прибыть въ указанное время въ гор. Гельсингфорсѣ для исполненія своихъ обязанностей согласно сеймовому уставу.

„НИКОЛАЙ“.

Въ Царскомъ Селѣ.

8 (21) февраля 1909 г.

Министръ статсъ-секретарь Лангофъ.

Государь Императоръ, въ присутствіи своемъ въ Царскомъ Селѣ 8—21 февраля 1909 г., Высочайше повелѣть соизволилъ:

Произвести, согласно § 37 Высочайше утвержденнаго 7 (20) іюля 1906 г. закона о выборахъ для Великаго княжества Финляндскаго, новые выборы сеймовыхъ депутатовъ и начать таковыя 1-го мая 1909 г. по новому стилю.

Министръ статсъ-секретарь Лангофъ.

Собраніе узаконеній и распоряженій правительства.

№ 14. 31-го января 1909 г.

Ст. 63. О продажѣ участковъ крестьянской арендной земли изъ имѣнія „Оррикюль“, лифляндской губерніи.

Ст. 64. Объ утвержденіи положенія о нагрудномъ знакѣ, установленномъ въ память 100-лѣтняго существованія одесскаго коммерческаго суда.

Ст. 65. Объ утвержденіи правилъ по дѣсной части Алтайскаго округа вѣдомства кабинета Его Императорскаго Величества.

Ст. 66. О принятіи пѣнковскаго начальнаго училища, петергофскаго уѣзда, подъ покровительство Его Высочества Герцога Михаила Георгиевича Мекленбургъ-Стрелицкаго и ораніенбаумскаго однокласснаго приходскаго училища подъ покровительство графини Н. О. Карловой.

Ст. 67. Объ установленіи новыхъ флаговъ для четырехъ заводовъ морского вѣдомства.

Ст. 68. Объ установленіи кормового флага и вымпела для судовъ лиги обновленія флота.

Ст. 69. Объ обращеніи Богородичной Всѣхъ Скорбящихъ Радости женской общины при деревнѣ Хмѣлевой, покровскаго уѣзда, въ женскій общежительный монастырь.

Ст. 70. Объ учрежденіи при соляномъ озерѣ близъ деревни Соляноозерской, новоселковской волости, минусинскаго уѣзда, енисейской губ., двухъ должностей пѣшихъ стражниковъ.

Ст. 71. Объ учрежденіи для охраны желѣзнодорожнаго моста черезъ рѣчку Мокрую-Московку у города Александровска, екатеринославской губ., одной должности городского.

Ст. 72. Объ учрежденіи въ имѣніи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гонтовера, при с. Трудолюбовѣ, воронежскаго уѣзда, двухъ должностей пѣшихъ стражниковъ.

Ст. 73. Объ учрежденіи при паровой мукомольной мельницѣ В. Фризена при колоніи Кондратьевкѣ, бахмутскаго уѣзда, екатеринославской губ., одной должности пѣшаго стражника.

Ст. 74. О включеніи московской окружной вѣтви Николаевской желѣзной дороги въ районъ московскаго комитета по регулированію массовыхъ перевозокъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Ст. 75. О дополненіи списка желѣзнодорожныхъ станцій, на которыхъ удаленіе пассажира изъ поѣзда не допускается.

Ст. 76. О включеніи ковель-владиміръ-волинской военной желѣзной дороги въ районъ кіевскаго комитета по регулированію массовыхъ перевозокъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Ст. 77. Объ измѣненіи списка грузовъ, которые желѣзныя дороги имѣютъ право перевозить на открытомъ подвижномъ составѣ подъ условіемъ ограниченной отвѣтственности.

Ст. 78. О дополненіи правилъ перевозки по желѣзнымъ дорогамъ грузовъ въ навалку.

Ст. 79. Объ измѣненіи § 11 правилъ отправки нефтяныхъ грузовъ изъ Баку и Баланджары и перевозки сихъ грузовъ по закавказскимъ желѣзнымъ дорогамъ.

№ 15. 31-го января 1909 г.

Ст. 80. О разъясненіи статьи 3 Высочайше утвержденнаго, 20 мая 1908 г., положенія совѣта министровъ о порядкѣ направленія финляндскихъ дѣлъ, касающихся интересовъ имперіи.

Ст. 81. О предоставленіи министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями замѣщать себя товарищами при разсмотрѣніи въ совѣтѣ министровъ дѣлъ вѣдѣнія бывшаго комитета министровъ.

№ 16. 3-го февраля 1909 г.

Ст. 82. О третьемъ выпускѣ государственнымъ дворянскимъ земельнымъ банкомъ 5% закладныхъ безъ выигрышей листовъ на 25 миллионѣвъ рублей.

Ст. 83. О выпускѣ одного новаго разряда (серіи) 4% билетовъ государственнаго казначейства за № CDXXXI/431 пятидесятирублевого достоинства.

Ст. 84. О цѣнахъ нѣкоторыхъ процентныхъ бумагъ для исчисленія пошлины съ безмезднаго ихъ перехода на 1-е полугодіе 1909 года, не вошедшихъ въ вѣдомость, опубликованную въ № 1 „Собран. узакон. и распоряж. Правительства“ за 1909 годъ.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правит. Сенатъ.

(Дѣло бывшаго полиціймейстера Іонина).

9 февраля, въ угол. касс. д-тѣ правит. сената, началось слушаніемъ дѣло по обвиненію бывшаго пабѣаницкаго полиціймейстера Іонина и земскаго стражника Косцюшко въ убійствѣ политическаго заключеннаго Гризеля.

Въ составѣ правит. сената вошли — предсѣдательствующій сен. Случевскій и члены сенаторы Семеновъ и Рынкевичъ. Обвиненіе поддерживалъ товарищъ оберъ-прокурора Врасскій, защищалъ подсудимыхъ членъ с. р. н. П. Ф. Булацель и членъ гос. думы Замысловскій.

Интересы гражданскаго иска представлены присяжнымъ повѣреннымъ П. Н. Переверзевымъ и бывшимъ предсѣдателемъ саратовскаго окр. суда Мясоѣдовымъ.

Ровно въ 12 ч. вводятъ подсудимыхъ. Іонинъ въ формѣ, Косцюшко — въ арестантской курткѣ.

Дѣло это возникло по слѣдующимъ основаніямъ 7-го ноября 1907 года начальникъ земской стражи и полиціймейстеръ г. Пабѣаницъ, поручикъ Іонинъ донесъ начальнику уѣзда, что арестованный Гризель, заподозрѣнный въ нападеніи на винную лавку, сознался ему во всемъ и обѣщалъ выдать всѣхъ своихъ сообщниковъ. Въ ту же ночь Іонинъ съ земскими стражниками Купомъ и Косцюшко, взявъ въ качествѣ проводника Гризеля, отправились для задержанія этихъ сообщниковъ. Но Гризель, какъ заявилъ въ своемъ донесеніи Іонинъ, якобы бросился бѣжать, въ виду чего онъ, Іонинъ, и стражники вынуждены были стрѣлять, причемъ этими выстрѣлами Гризель былъ убитъ наповалъ. Впослѣдствіи выяснилось, что Гризель былъ убитъ Іонинымъ безъ всякаго повода.

Варшавская судебная палата, разсматривавшая

это дело, оправдав Куца, признала Ионина и Косцюшко виновными в предъявленном к ним обвинении и приговорила их к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы—Ионина на 12 лет и Косцюшко—на 8 лет. Кроме того, палата удовлетворила в сумме 1.500 рублей гражданский иск, заявленный по делу родителями убитого.

Оставшись этим приговором недовольными, Ионин и Косцюшко принесли на него апелляционную жалобу в правит. сенат.

Дело это назначено было к слушанию в правит. сенат в ноябре мин. года, и тогда правит. сенат, согласно ходатайству тов. обер-прокурора и поверенного гражд. истца, постановил произвести вновь все судебное следствие.

После привода свидетелей и вызванного в качестве эксперта проф. Косоротова к присяге, правит. сенат оглашает данные суд.-мед. экспертизы, произведенной на предварительном следствии и на судебном следствии в первой инстанции. Из этих данных видно, что Гризель был убит двумя последовательными выстрелами сзади в голову. Этими выстрелами, повредившими вещество, как большого мозга, так и мозжечка, Гризель был убит наповал и упал. Все остальные выстрелы, которыми Гризель был превращен буквально в ртуть, произведены были уже в труп.

Затем допрашивается начальник уездной стражи ласского уезда кап. Мячков. Свидетель показывает следующее: в октябре 1907 года, после одной из происшедших в уезде экспроприаций, участники коей остались необнаруженными, свидетель получил анонимное письмо, с указанием фамилий некоторых экспроприаторов и того, что они проживают в Пабяницах. Свидетель поехал тогда в этот город и просил полиц. Ионина оказать ему содействие в производстве у этих лиц обыска. Ионин не только обещал свое содействие, но и вызвался сам сопровождать при обысках Мячкова. От Ионина они отправились ужинать к судебному следователю. Проходя мимо канцелярии полицеймейстера, он видел содержащегося там арестованного в ручных кандалах. У следователя за ужином Ионин объяснил свидетелю, что пойманный им—важный гусь, который собирался убить его, и с которым он теперь должен расчистаться.

Когда вечером Мячков со стражниками и солдатами отправился в сопровождении Ионина на обыски, последний предложил взять с собою Гризеля, „который будет им полезен“. Свидетель согласился. После обыска двух-трех домов обнаружилось, что лица, указанные в анонимном письме, никакого отношения к делу об эграблении не имеют. По списку оставался еще один дом Скржинского, находившийся на самой окраине города. Солдаты оцепили этот дом, но свидетель, шедший, впереди вместе с Иониным, двумя стражниками и Гризелем, заметил это не сразу, а когда заметил, то вернулся к дому, попросив Ионина подождать его. Не успев он подойти к дому Скржинского, как с того места, где остался Ионин с Гризелем, послышались выстрелы. Свидетель бросился обратно туда и встретил Ионина, который, указывая на труп Гризеля, заявил: „Мерзавец хотел бежать, и я его положил на место“.

Свидетель, сообразив, что в светлую, лунную ночь, в открытом месте Гризель едва ли пытался бы бежать, ответил, что этого не следовало делать.

Свидетель посоветовал охранить труп и доложил о случае судебному следователю, но Ионин заявил, что в Риге он делал иначе—просто закапывал трупы и сообщал тов. прокурора.

Свидетель спросил у находившегося тут же

рядового Сироткина, действительно ли Гризель пытался бежать, и получил ответ: „Никак нет“.

Под утро, часов в 8, Ионин явился с докладом к судебному следователю, у которого в то время находился и свидетель. Ионин вызвал свидетеля в смежную комнату и просил „не выдавать его, так как стражники ему, Ионину, преданы и не выдадут“. Свидетель все-таки предупредил следователя об обстоятельствах смерти Гризеля.

Свидетель опровергает указания апелляционной жалобы, будто он сам уговаривал Ионина идти на обыски. Последний вызвался сам. Жена уговаривала его остаться, и тогда свидетель в шутилой форме просил ее не беспокоиться, так как, если ее мужа убьют, она получит полную пенсию.

Затем был Ионин взят на обыски Гризель, свидетель не понимает, так как Гризель при обысках не указывал буквально ничего.

Окончив давать показания, капитан Мячков вдруг заявил, что он nyní может сообщить об одном факте, не бывшем еще в его распоряжении во время слушания дела в варшавской палате. Приблизительно через месяц после слушания дела свидетель заболел и лег в Пабяцах в больницу. Его навещил там стражник Якобук, который сказал ему, что Ионин несколько раз просил его найти случай убить Гризеля.

П. Ф. Булацель пробует после этого установить, что Мячков враждебно относился к Ионину, так как, „помимо разногласий политических“, после смерти прежнего полицеймейстера считал себя кандидатом на эту должность, оплачивавшуюся лучше, чем его место.

Кап. Мячков объясняет, что полицеймейстер получает 1.000 руб. в год, а он 1.200 руб., но председательствующий дальнейшее расследование этого вопроса устранил, объясняя г. Булацелю, что денежное неравенство не у всех людей является причиной вражды.

Тогда П. Ф. Булацель просит сенат дать ему в полной мере „возможность уличить свидетеля в том, что факта, о котором он показывал, не было“, и с этой целью—удалить свидетеля из залы на время допроса Якобука и стражников и уединить его в такую комнату, где он был бы лишен возможности беседовать с представителями печати или, так называемыми, „литераторами“.

На время допроса Якобука и стражника правит. сенат постановляет свид. Мячкова удалить.

Подс. Ионин объясняет, что кап. Мячков так относился к нему, что когда однажды подчиненный Мячкову стражник Сенкевич набросился на Ионина с обнаженной пашкой, желая его зарубить, то Мячков за это поставил Сенкевича лишь на 7 дежурств у телефона, вместо того, чтобы предать его суду.

Свид. Мячков в ответ на это указывает, что предание суду зависит не от него, а от высшего начальства, которому Мячков своевременно представил доклад о нападении на Ионина и которое в дальнейшем поступало по своему собственному усмотрению.

Затем Мячков, перед удалением в особую комнату, обращает внимание сената на то, что nyní Якобук, быть может, откажется от своих слов. На этот случай свидетель указывает, что тот же Якобук подтвердил свои слова в его присутствии перед теперешним пабяцким полицеймейстером.

Свид. Якобук показывает, что во время убийства Гризеля он находился в отпуску и приехал в Пабяцы лишь через несколько дней. После его приезда полиц. Ионин приказал ему составить протокол сознания убитого Гризеля в экспроприации. Весь этот протокол составлен был под

диктовку самого Ионина. Ионинъ неоднократно показывалъ анонимныя письма, въ которыхъ говорилось, что Гризель собирается его убить. Вообще, по утверждению свидѣтеля, Гризель былъ „членъ боевой партіи, анархистъ“.

О томъ, что Гризеля опозналъ, какъ одного изъ грабителей, довѣренный фабрики Круше и Эндерсъ, Шинкъ, на котораго совершенно было нападеніе, свидѣтель знаетъ только по слухамъ.

Въ связи съ этимъ прис. пов. Переверзевъ обращаетъ вниманіе сената на то, что протокола этого опознанія, на которое ссылается подсудимый, въ дѣлѣ не имѣется.

Свидѣтель припоминаетъ фактъ посѣщенія имъ кап. Мячкова въ больницѣ, но разговора о просьбахъ Ионина убить Гризеля онъ съ нимъ не велъ.

Разговоръ съ полицеймейстеромъ свидѣтель припомнилъ и говоритъ, что тогда на вопросъ Мячкова о просьбахъ Ионина онъ отвѣтилъ: „Не помню. Можетъ, Ионинъ и предлагалъ мнѣ убить!“ Но теперь свидѣтель предполагаетъ, что Ионинъ ему этого не предлагалъ.

Рядовому Сироткину поручено было слѣдить за Гризелемъ во время обыска, поэтому онъ не остался съ Мячковымъ и солдатами у дома Скржинскаго, а пошелъ за Гризелемъ и Ионинымъ. Гризель шелъ въ 6 шагахъ впереди послѣдняго. Когда вышли за городскую черту, Ионинъ схватилъ свой „маузеръ“, приложилъ его, по словамъ свидѣтеля, къ лямкѣ и, выстрѣливъ въ Гризеля, закричалъ: „Куда бѣжишь? Стой!“ Однако, Гризель вовсе не бѣжалъ. Свидѣтель это видѣлъ хорошо, такъ какъ ночь была лунная. Послѣ выстрѣла Ионина въ Гризеля начали стрѣлять стражники, и, когда тотъ уже лежалъ, одинъ изъ стражниковъ подошелъ къ нему и въ упоръ выстрѣлилъ ему въ ухо.

Изъ оглашенныхъ, затѣмъ, прежнихъ показаній Сироткина видно, что, убивъ Гризеля, Ионинъ сказалъ ему: „Ничего, солдатики, это арестанта убили!“

Свидѣтель, между прочимъ, показываетъ о слѣдующемъ характерномъ обстоятельстве. Когда онъ вышелъ послѣ допроса отъ слѣдователя, его встрѣтилъ какой-то стражникъ и сталъ угощать водкой, допытываясь, что именно онъ показалъ слѣдователю. Свидѣтель отказался съ нимъ разговаривать, но этотъ стражникъ и другіе преслѣдовали его до трамвая, и, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, онъ вынужденъ былъ пригрозить имъ ружьемъ.

Слѣдующій свидѣтель, рядовой Чахурскій, провожавшій Сироткина къ слѣдователю, подтверждаетъ это обстоятельство и показываетъ, что стражники и его хотѣли подпоить. Стражники все время переговаривались и шептались, указывая на нихъ: „Это тѣ солдаты, которые погубили нашего полицеймейстера“.

Оправданный судебной палатой по этому же дѣлу, стражникъ Кудъ показываетъ, что ряд. Сироткинъ далеко отсталъ отъ Гризеля и Ионина, такъ какъ разсыпалъ булки, которыя несъ, и остановился, чтобы подобрать ихъ.

Прис. пов. Переверзевъ и Мясоѣдовъ обращаютъ вниманіе сената на то обстоятельство, что показаніе это появляется въ настоящемъ засѣданіи въ первый разъ. Ни у слѣдователя, ни въ палатѣ свидѣтель этого не говорилъ.

Сенатъ удостоверяетъ, что въ протоколѣ палаты, дѣйствительно, такого показанія нѣтъ.

Прис. пов. Булацель замѣчаетъ, что онъ дополнилъ протоколъ своими замѣчаніями, въ которыхъ исправленъ пропускъ палаты, но оказывается, что палата это замѣчаніе отвергла.

При допросѣ свид. Симоновича защита старается установить, дѣйствительно ли Ионинъ могъ стрѣлять съ лямки, какъ показалъ Сироткинъ. Выясняется, что это невозможно. Но самъ Ионинъ объясняетъ, что онъ, дѣйствительно, стрѣлялъ, но не съ лямки, а съ плеча.

Отецъ убитаго, старикъ Гризель, показываетъ, что, когда, послѣ ареста сына, онъ обратился къ Ионину съ просьбой или освободить его, или передать дѣло слѣдователю, Ионинъ отвѣтилъ, что „Гризель грозился убить его, но онъ, Ионинъ, убьетъ Гризеля раньше“.

Свидѣтель просилъ Ионина предварительно разслѣдовать слухъ объ угрозахъ, но послѣдній прогналъ его, пригрозивъ „побить по мордѣ“.

10 февраля засѣданіе правит. сената начинается допросомъ начальника жандармскаго управленія ласскаго уѣзда подполк. Глобачева.

Оба брата Гризеля были зарегистрированы въ жандармскомъ управленіи, какъ члены революціонной фракціи п. п. с.

— Вы, конечно, знаете, — перебиваетъ П. Ф. Булацель, — что Нарциссъ Гризель былъ судимъ военно-полевымъ судомъ?

— Нѣтъ, ничего подобнаго я не знаю! — отвѣчаетъ свидѣтель.

Затѣмъ защитникъ интересуется вопросомъ, кто изъ двухъ начальниковъ земской стражи Ионинъ или Мячковъ былъ исполнительнѣе и энергичнѣе. Свидѣтель отвѣчаетъ, что Мячкова знаетъ давно и можетъ засвидѣтельствовать его выдающуюся энергію и исполнительность, что же касается Ионина, то свидѣтель осторожно заявляетъ, что знаетъ послѣдняго слишкомъ мало.

Затѣмъ гражд. истцамъ, прис. пов. Мясоѣдову и Переверзеву, удается выяснитъ путемъ допроса подполк. Глобачева одно странное обстоятельство: несмотря на то, что въ отношеніи Ионина къ подп. Глобачеву объ убійствѣ Гризеля сообщается, что при отношеніи препровождается письмо, найденное у Гризеля и послужившее однимъ изъ оснований къ его аресту, письма этого при отношеніи не оказалось и куда оно исчезло — неизвѣстно.

Стражникъ Демидюкъ — единственный свидѣтель, утверждающій, что Гризель, дѣйствительно, назвалъ Ионину своихъ якобы соучастниковъ въ нападеніи на кассира фабр. Крупсъ и Эндерсъ и согласился сопровождать Ионина при производствѣ обыска.

Этотъ же свидѣтель, впрочемъ, утверждаетъ, что вообще 6 ноября обыски, въ частности арестъ „Рыбалова“, производились Ионинымъ, а не Мячковымъ, который лишь былъ при этомъ.

Въ виду этого, прис. пов. Мясоѣдовъ и Переверзевъ ходатайствуютъ объ устройствѣ очной ставки между Демидюкомъ и Мячковымъ. П. Ф. Булацель противъ очной ставки протестуетъ, заявляя, что Демидюкъ непосредственно подчиненъ Мячкову и кромѣ того состоитъ на военной службѣ.

Однако, изъ дальнѣйшаго выясняется, что Демидюкъ состоитъ въ городской полиціи, а Мячковъ въ уѣздной, и между ними нѣтъ никакого соподчиненія; кромѣ того, Демидюкъ не военный, а полицейскій.

— Но, вѣдь, въ уѣздѣ военное положеніе, — заявляетъ г. Булацель, но защитнику объясняютъ, что, если мѣстность и объявляется на военномъ положеніи, то лица гражданскія отъ этого военными не становятся.

Мячкову и Демидюку дается очная ставка.

Во время очной ставки Мячковъ еще разъ подтверждаетъ, что обыски и аресты производились имъ, а не Ионинымъ, и по анонимному письму, а не по указаніямъ Гризеля.

Стражникъ Шевцовъ показываетъ, что письмо, инкриминировавшееся Гризелю, найдено было имъ, свидѣтелемъ, и копія письма, имѣющаяся въ дѣлѣ, снята имъ.

— Зачѣмъ же вы ее снимали? — спрашиваютъ гражд. истцы.

— При обыскахъ снимаютъ копіи со всего, что найдено! — заявляетъ свидѣтель.

Жена подсудимаго Ионина подтверждаетъ, что обыски и аресты 6 ноября совершались по просьбѣ Мячкова.

Свидѣтельница, между прочимъ, показываетъ, что мѣстное начальство относилось къ нимъ какъ-то странно. Лодзинскій ген.-губ. Казнаковъ называлъ передъ свидѣтельницами дѣйствія ея мужа—дѣйствіями сумасшедшаго человѣка, а начальникъ уѣзда Эбеловъ говорилъ свидѣтельницамъ, что ея мужъ—дурной человѣкъ, съ которымъ не стоитъ жить.

По ходатайству защиты, г-жѣ Іониной дается очная ставка со свид. Мячковымъ, но оба остаются каждый при своемъ показаніи.

Слѣдующимъ допрашивается кассиръ фабрики Крупскій и Эндерсъ г. Шинкѣ, который, по утверждению подсудимаго Іонина, опозналъ въ Гризелѣ одного изъ участниковъ вооруженнаго нападенія.

Свидѣтель категорически заявляетъ, что онъ никого не опозналъ, да и опознать не могъ, ибо при нападеніи на него онъ сильно испугался и не могъ запомнить ни одного лица. Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ ему Іонинъ предъявлялъ кого-то, свидѣтелю въ полиц. управленіи предложили подъ видомъ протокола допроса подписать какую-то бумагу, что онъ и исполнилъ. Однако содержанія этой бумаги свидѣтелю не сообщили.

Въ связи съ этимъ П. Ф. Булацель передопрашиваетъ цѣлый рядъ свидѣтелей-стражниковъ по вопросу о томъ, часто ли происходили въ ласскомъ уѣздѣ убійства тѣхъ лицъ, которые въ суд. засѣданіяхъ уличали революціонеровъ.

Часть свидѣтелей показываетъ, что по этому поводу они ничего не знаютъ, другая же часть, въ особенности свид. Шевцовъ, заявляютъ, что такіе убійства происходили часто. Однако, на предложеніе назвать отдѣльные случаи г. Шевцовъ вспоминаетъ лишь одинъ, причемъ прис. пов. Переверзевъ выясняетъ, что убитый—былъ сыщикъ.

Г. Булацель желаетъ продолжить свои изслѣдованія далѣе, но председательствующій признаетъ это выходящимъ за предѣлы даннаго дѣла и, несмотря на протесты г. Булацеля, вопросы въ этомъ направленіи устраняетъ.

Защита достаетъ полицейскій маузеръ, и подс. Іонинъ показываетъ на немъ, что 1) стрѣлять съ колѣна онъ не могъ и 2) что курка у маузеровъ нѣтъ. Свидѣтель поясняетъ, что предохранитель у маузера былъ открытъ, и какъ только, завернувъ за уголокъ, Гризель пустился бѣжать, схвативъ пистолетъ къ плечу, онъ, Іонинъ, закричалъ „стой“ и произвелъ нѣсколько выстрѣловъ.

Подс. Косцюшко утверждаетъ, что показаніе, данное якобы имъ на дознаніи, производившемся начальникомъ Эбеловымъ, получено у него „обманнымъ“ путемъ: просто Эбеловъ далъ ему подписать какую-то бумагу. Когда подсудимый сидѣлъ въ Петроковѣ въ тюрьмѣ, онъ подслушалъ разговоръ двухъ революціонеровъ, которые заявляли, что они, революціонеры, дали Эбелову подписку не убивать его „зато, что онъ потопилъ полиціимейстера и стражниковъ“.

Затѣмъ подсудимый заявляетъ, что въ тюрьмѣ ему нанесено было тяжкое увѣчье, въ результатѣ котораго онъ потерялъ глазъ.

Булацель проситъ занести въ протоколъ, что „въ правительственной тюрьмѣ его подзащитному нанесено было увѣчье, о которомъ своевременно было заявлено властямъ, однако, власти никакого разслѣдованія по этому поводу не произвели“.

Кромѣ того, г. Булацель заявляетъ, что подсуд. Іонинъ хочетъ объяснить, что...

— Если подсудимый хочетъ объяснить что либо, такъ пусть самъ и объясняетъ. Я передаточныхъ инстанцій между сенатомъ и подсудимыми не допускаю!—останавливаетъ г. Булацель сен. Случевскій.

Булацель, однако, продолжаетъ начатое имъ заявленіе, но председательствующій замѣчаетъ защитнику, что онъ критики своихъ распоряженій не допускаетъ, и требуетъ отъ г. Булацеля „немедленнаго и безпрекословнаго повиновенія“.

Подс. Іонинъ заявляетъ, что до заключенія въ тюрьмѣ у Косцюшки были оба глаза здоровые, что можетъ подтвердить начальникъ одного изъ прибалтійскихъ карательныхъ отрядовъ, въ которомъ участвовалъ Косцюшко.

Председательствующій, однако, устраняетъ это объясненіе изъ дѣла, какъ выходящее за рамки предъявленнаго подсудимымъ обвиненія.

Въ порядкѣ заключенія суд. слѣдствія производится затѣмъ передопросъ нѣкоторыхъ свидѣтелей и оглашеніе различныхъ документовъ, а также дается заключеніе эксперта проф. Косоротова. Экспертъ полагаетъ, что данныхъ въ дѣлѣ, которыя помогли бы ему дать вѣрную экспертизу, — не имѣется.

Послѣ небольшого перерыва слово предоставляется тов. оберъ-прокурора Враскому. Представитель обвиненія, прежде всего, указываетъ на то, что хотя въ глазахъ Іонина Гризель былъ революціонеромъ, грозившимъ къ тому же убить его,—хотя, далѣе, охранная служба на окраинахъ въ то время была особенно опасна, и хотя, наконецъ, полиціи необходимо дѣйствовать энергично,—тѣмъ не менѣе, нужно руководствоваться закономъ, а не произволомъ, а въ законѣ нѣтъ нигдѣ указанія на то, что жизнь человѣческая должна расцѣпываться различно, въ зависимости отъ принадлежности къ той или другой партіи.

Затѣмъ, путемъ подробнаго анализа всѣхъ свидѣтельскихъ показаній и данныхъ дѣла, тов. оберъ-прокурора Враскій приходитъ къ убѣжденію, что всѣ объясненія Іонина и Косцюшко совершенно неправдоподобны и выводы палаты о виновности подсудимыхъ ничѣмъ не опровергнуты.

Поддерживая интересы гражд. иска, прис. пов. Мясоѣдовъ посвящаетъ свою рѣчь попыткамъ защиты во время суд. слѣдствія опорочить показанія Мячкова, Эбелова, Сироткина и старика Гризеля. Анализируя обстоятельства дѣла, прис. пов. Мясоѣдовъ приходитъ къ выводу, что эти попытки не имѣютъ ни малѣйшихъ основаній, равно какъ остаются совершенно необоснованными всѣ объясненія Іонина.

Прис. пов. Переверзевъ отмѣчаетъ одну особенность настоящаго дѣла: хотя подсудимые обвиняются въ убійствѣ человѣка, однако имъ, для оправданія, вовсе не нужно опровергать всего состава, а достаточно лишь указать, что этотъ человѣкъ хотѣлъ бѣжать. Но несмотря на это, несмотря на то, что и мѣсто и время были исключительныя, Іонину удалось совершить ужасное преступленіе, которое возмутило всѣхъ, включительно съ генераль-губернаторомъ и начальникомъ уѣзда. Почему же они не повѣрили Іонину, что Гризель бѣжалъ, и не покрыли своего подчиненнаго? Очевидно, потому, что, кромѣ утвержденія Іонина, въ то время не было еще доказательствъ того, что Гризелю нужно было бѣжать, и именно, въ такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ. А именно, тогда еще не было акта опознанія Шинкомъ въ Гризелѣ экспроприатора, акта—грозившаго Гризелю, все равно, смертью. И мы видимъ, что въ первыхъ донесеніяхъ и рапортахъ объ убійствѣ Гризеля Іонинъ говоритъ только о его сознаніи, а не о доказательствахъ. Послѣднія стали фигурировать въ дѣлѣ лишь послѣ того, какъ пріѣхалъ Якобукъ и подъ диктовку Іонина написалъ актъ опознанія.

И вотъ въ этихъ рапортахъ и протоколахъ, „въ этихъ безмолвныхъ документахъ—истина этого страшнаго дѣла“ и доказательство того, что Іонинъ, „крадучись, предательски“, застрѣлилъ Гризеля.

И, требуя признанія виновности Іонина, истцы добиваются лишь справедливости.

Защитникъ обоихъ подсудимыхъ, членъ госуд. думы Замысловскій, посвятилъ свою небольшую рѣчь почти исключительно анализу показаній Сироткина и Куца. Полагая, что эти показанія взаим-

но другъ друга исключаютъ, защитникъ указалъ что, повѣривъ Куду и оправдавъ его, суд. палата, по его мнѣнію, тѣмъ самымъ аннулировала показанія Сироткина. А, между тѣмъ, Косцюшко и Юнинъ оказались осужденными на основаніи этого, именно, показанія.

Касаясь показаній Мячкова и Сироткина, г. Замысловскій утверждаетъ, что эти свидѣтели находятся подъ вліяніемъ революціоннаго террора. Показанія же Эбелова неправдоподобны потому, что онъ, будучи сослуживцемъ Юнина, тѣмъ не менѣе не покрывъ его, а, наоборотъ, показалъ тахіумъ того, что можно было показать вообще.

На этомъ основаніи защитникъ просилъ оправдать обоихъ подсудимыхъ.

П. Ф. Булацель приходитъ къ тѣмъ же выводамъ, что и г. Замысловскій. Попутно г. Булацель выразилъ изумленіе, что прис. пов. Переверзевъ выступилъ гражд. истцомъ противъ Юнина, „застрѣлившаго Гризеля, крадучись и предательски“, когда до сихъ поръ тотъ же прис. пов. Переверзевъ выступалъ въ качествѣ защитника по дѣламъ о преступленіяхъ, которыя, во всякомъ случаѣ, по мнѣнію г. Булацеля, совершаются предательски. Предсѣдательствующій указываетъ г. Булацелю на неприличіе его выходки.

Прося объ оправданіи обоихъ подсудимыхъ, „а въ особенности Косцюшко“, г. Булацель готовъ признать, что объективно постороннимъ могло не казаться, что Гризель не бѣжитъ, но разъ субъективно Юнину показалось, что онъ бѣжитъ, онъ, тѣмъ самымъ, могъ въ него стрѣлять, и осудить его за это, значитъ, убить въ исполняющихъ свой долгъ чиновникахъ чувство справедливости.

Подсудимый Юнинъ въ послѣднемъ словѣ поклялся, что Гризель хотѣлъ бѣжать и что показанія Мячкова и др. объясняются мѣстничествомъ. Подс. Косцюшко отъ послѣдняго слова отказался.

Поставивъ вопросы о виновности подсудимыхъ въ редакціи, принятой палатой, сенатъ въ 9-мъ ч. вечера удалился на совѣщаніе.

Послѣ двухчасоваго совѣщанія правит. сенатъ, около десяти часовъ вечера, вынесъ оправдательный приговоръ обоимъ подсудимымъ.

Главный военный судъ.

(Дѣло владивостокскаго охраннаго отдѣленія).

12 февраля, въ главномъ военномъ судѣ слушалось по кассационнымъ протесту и жалобѣ дѣло о бывшемъ начальникѣ владивостокскаго охраннаго отдѣленія и крѣпостной жандармской команды подполковникѣ Анатоліи Заварницкомъ и агентахъ того же отдѣленія сынѣ коллежскаго регистратора Александрѣ Бадировѣ и крестьянинѣ Ильѣ Демьяненко. Предсѣдательствовалъ предсѣдатель главнаго военнаго суда ген. Митрофановъ, докладывалъ дѣло постоянный членъ главнаго военнаго суда г.-л. Иллюстровъ.

Какъ видно изъ доклада, приамурскій военно-окружный судъ, рассмотрѣвъ это дѣло въ судебномъ засѣданіи, длившемся съ 12 по 15 ноября, призналъ подполковника Заварницкаго виновнымъ: 1) въ томъ, что, вступивъ 28 августа 1907 г. въ должность начальника владивостокскаго охраннаго отдѣленія, будучи обязанъ по сей должности принимать мѣры къ предупрежденію и пресѣченію государственныхъ преступленій, онъ, получая въ сентябрѣ и первой половинѣ октября того же года отъ своихъ сотрудниковъ по охранѣ, Ильи Демьяненко и Александра Бадирова, достоверныя доведенія о принадлежности проживавшихъ въ г. Владивостокѣ подъ партійными кличками „Александра“, „Нади“ и другихъ лицъ къ тайнымъ революціоннымъ сообществамъ съ указаніемъ на то,

что эти лица, между прочимъ, занимаются усиленной пропагандой революціонныхъ идей въ войскахъ и среди портовыхъ рабочихъ и учащейся молодежи, возбуждая нижнихъ чиновъ къ объединенію въ „военную организацію“ и подготавливая какъ войска, такъ и рабочій классъ къ всеобщему вооруженному возстанію противъ правительства, онъ, подполковникъ Заварницкій, несмотря на то, что агенты его доносили о томъ, что имъ извѣстно и мѣсто жительства „Нади“, „Александра“ и еще нѣкоторыхъ изъ указывавшихся ими лицъ, а въ отношеніи тѣхъ, адреса коихъ имъ не были извѣстны, настоятельно просили выяснить ихъ наружнымъ наблюденіемъ, вплоть до возникновенія во Владивостокѣ 16—17 октября вооруженнаго возстанія, не дѣлалъ по мѣсту жительства этихъ лицъ обысковъ и не подвергалъ ихъ личному задержанію, благодаря чему тѣ безпрепятственно продолжали свою дѣятельность, а „Александръ“ и „Надя“ 16—17 октября непосредственно приняли участіе въ числѣ другихъ руководителей въ возстаніи крѣпостнаго миннаго баталіона и на судахъ флота; 2) въ томъ, что непосредственно вслѣдъ за вооруженнымъ возстаніемъ 16—17 октября онъ, опасаясь обвиненія его въ непринятіи мѣръ къ предупрежденію сего возстанія и пресѣченію подготовительной къ нему дѣятельности его руководителей и, желая убѣдить свое начальство для достиженія служебнаго повышенія въ своей полезной дѣятельности по охранѣ и обнаруженію участниковъ возстанія: а) въ ночь на 17 октября предпринялъ обыскъ у сотрудника газеты „Приморье“ Гольдбрейха и, не рассчитывая найти у него достаточныя данныя къ тому, чтобы доказать передъ властями послѣ этого обыска, что въ лицѣ Гольдбрейха имъ обнаруженъ дѣйствительный участникъ возстанія, приказалъ взятому на обыскъ агенту охраннаго отдѣленія Бадирову подбросить въ комнату Гольдбрейха нѣсколько экземпляровъ революціонныхъ изданій и 3 экз. прокламаціи „владивостокской военной организаціи“, открыто призывавшей къ начавшемуся уже возстанію, а когда Бадировъ исполнилъ это приказаніе, то онъ, подсудимый, помѣстилъ означенныя изданія и прокламаціи, какъ улики противъ Гольдбрейха, въ протоколъ обыска; б) съ цѣлью воспроизвести подложно фактъ обнаруженія бомбъ, якобы предназначенныхъ участниками возстанія для покушеній на должностныхъ лицъ, и доказать тѣмъ свою успѣшную дѣятельность по предупрежденію сихъ покушеній, онъ 16 октября поручилъ агентамъ охраннаго отдѣленія Демьяненко и Бадирову изготовить нѣсколько бомбъ и подбросить ихъ куда нибудь, а когда они выполнили это порученіе и, по его указанію, донесли ему о нахожденіи бомбъ въ домѣ № 10 по Суйфунской улицѣ, онъ, Заварницкій, донесъ объ этихъ свѣдѣніяхъ коменданту крѣпости, отправился въ ночь на 18 октября съ обыскомъ въ указанный домъ, обнаружилъ тамъ 5 бомбъ и составилъ объ этомъ протоколъ, послужившій основаніемъ къ производству разслѣдованія для розыска виновныхъ; в) того же 16 октября поручилъ агентамъ Бадирову и Демьяненко заказать по имѣвшемуся у него фотографическому снимку оттиска печати „главнаго комитета владивостокской военной организаціи“ двѣ поддѣльныя такія печати, а послѣ доставленія ему этихъ поддѣльных печатей наложилъ ихъ, при содѣйствіи Бадирова, на 183 экз. книгъ и брошюръ, отобранныхъ 23 октября при обыскѣ у мѣщ. Маколкина, и всю эту библиотеку передалъ для приложенія въ качествѣ вещественнаго доказательства къ слѣдственному дѣлу о Маколкинѣ; г) заготовилъ при содѣйствіи агентовъ Бадирова и Демьяненко подложный списокъ произведеній нелегальной литературы и списокъ „товарищей“, коимъ якобы была роздана эта литература для распространенія, помѣстивъ въ

последний список 14 фамилий служащих и рабочих владивостокского порта, частью указанных ранее Бадировым в качестве агитировавших в войсках и в порту, наложил на оба эти списка отпечатки поддельной печати „главного комитета“, утвердил ту же печать к имевшимся у него нелегальным изданиям и прокламациям, а также к изготовленным по его поручению Демьяненко чертежам бомб, обнаруженных в доме № 10 по Суйфунской улице, и, вложив все эти документы вместе с одной из поддельных печатей в портфель, отобранный им при обыске у Добкина, передал этот портфель 29 октября Бадирову с тем, чтобы тот подбросил его во время предстоявшего в тот день обыска в портовых мастерских, а когда этот портфель был найден производившими обыск, то заключавшиеся в нем искусственно подготовленные данные послужили основанием к возбуждению уголовного преследования против 11 лиц и к содержанию их до обнаружения сего преступления под стражу; д) 29 октября составил протокол допроса агента Бадирова в качестве свидетеля по делу Гольдбрейха, изложив в этом протоколе от лица Бадирова, для изобличения Гольдбрейха в участии в возмущении 16—17 октября заведомо ложные данные о сношениях Гольдбрейха с портовыми рабочими, минерами и матросами, а также о том, что Гольдбрейх во время возмущения подавал будто бы лично сигналы на суда, и, отбрав под этим протоколом подпись Бадирова, приложил его к дознанию о Гольдбрейхе; е) в ноябре 1907 г., желая укрепить убеждение местных властей в том, что „военная организация“ во Владивостоке сохраняет еще угрожающий характер при содействии одного из своих агентов, написал угрожающее анонимное письмо командиру Владивостокского военного порта и, приложив к нему отпечаток поддельной печати „главного комитета военной организации“, отправил его по назначению; и ж) 13 ноября с целью показать властям, какой опасности подвергался он, Заварницкий, за свои энергичные действия по розыску государственных преступников, поручил одному из агентов заказать гроб, а другому агенту переписать составленный им же, Заварницким, смертный себе приговор, приложил к нему поддельную печать „главного комитета“ и передал его первому агенту для присылки ему, Заварницкому, этого приговора вместе с гробом, что и было исполнено, после чего он доложил о присылке ему гроба и смертного приговора местным властям. Применив к виновности подполковника Заварницкого 3 ч. 643 статьи уголовного уложения 1903 года и 362 ст. уложения о наказаниях уголов. и испр., суд назначил ему каторгу на 4 года, но в виду признанных за ним уменьшающих вину обстоятельств (продолжительной, свыше 20 лет, безупрочной службы в офицерских чинах и отличной о нем аттестации его начальства) понизил это наказание и окончательно определил ему, взамен заключения в исправительном доме, отдачу в исправительный арестантский отделенный сроком на 3 года с лишением всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ.

Подсудимаго Александра Бадирова суд признал виновным в том, что, состоя вольнонаемным агентом владивостокского охранного отделения, он перед обыском 29 октября в портовых мастерских продиктовал, по поручению подполк. Заварницкого, агенту Демьяненко список 14 рабочих и служащих порта, известных ему своей политической неблагонадежностью, а затем по уговору с подполк. Заварницким подбросил портфель с подложными документами, поддельною печатью и нелегальной литературой во время

обыска в одной из мастерских порта, где он и был найден производившими обыск, причем заключавшиеся в нем данные послужили основанием к возбуждению уголовного преследования против 11 лиц по обвинению их в принадлежности к военной организации. При этом суд признал уменьшающими вину Бадирова обстоятельствами: 1) что, исполняя свои обязанности тайного агента охранного отделения, он добросовестно считал для себя безусловно обязательным в интересах службы и целей государственной пользы исполнять все приказания своего начальника подполковника Заварницкого, хотя бы они и не согласовались с общепринятыми понятиями о нравственности и нормами права, и 2) что в своей деятельности в охранном отделении он оказал громадные услуги по раскрытию и предупреждению государственных преступлений. Применив к виновности Бадирова 940 ст. улож. о нак. угол. и испр., суд назначил ему, во внимание к исключительным условиям его службы в охранном отделении, заключение в тюрьму на 4 мес. а, в виду уменьшающих вину обстоятельств, понизил это наказание на 2 степ. и окончательно определил Бадирову кратковременный арест на 3 недели.

Вместе с тем приамурский военно-окружный суд признал недоказанными возникшие против Бадирова и Демьяненко в соучастии в преступных действиях подполк. Заварницкого, изложенных выше, по следующим соображениям: а) в отношении участия Бадирова в подкинутой прокламации при обыске у Гольдбрейха судом установлено, что, действуя в этом случае по приказанию подполковн. Заварницкого, Бадиров не знал содержания бумаг, полученных им от подполк. Заварницкого и подброшенных в квартиру Гольдбрейха; б) в отношении участия Бадирова и Демьяненко в изготовлении 5 бомб и подкинутой их в дом № 10 по Суйфунской улице судом установлено, что, поручая Бадирову и Демьяненко изготовить и подбросить бомбы, подполк. Заварницкий не посвятил их в свою цель — выдать эти бомбы за предназначавшиеся участниками возмущения для террористических покушений, и что, исполняя поручение подполк. Заварницкого, подсудимые были глубоко убеждены, что таким образом они, как агенты охранного отделения, помогают ему произвести под благовидным предлогом осмотр дома № 10, где заведомо для них проживали лица, имевшие сношения с террористами; в) в отношении участия Бадирова и Демьяненко в изготовлении поддельных печатей „главного комитета владивостокской военной организации“ судом установлено, что, поручив подсудимым заказать поддельные печати, подполк. Заварницкий о цели изготовления этих печатей им не сообщал, что Бадиров, накладывая отпечатки поддельной печати на отобранные у Маколина книги и брошюры, не имел умысла повредить эти вещественные доказательства или создать какуюнибудь новую улику, а действовал по приказанию подполк. Заварницкого, повиновавшись коему в данном случае считал себя обязанным, что Демьяненко в наложении печатей на книги и брошюры Маколина участия не принимал; г) в отношении участия Демьяненко в изготовлении подложных документов, подброшенных 29 октября при обыске в портовых мастерских, судом установлено, что цель, для которой предназначались составленные Демьяненко по приказанию подполк. Заварницкого документы и чертежи, не была известна Демьяненко, поручение же подполк. Заварницкого он считал для себя обязательным; д) в отношении участия Бадирова в составлении заведомо ложного протокола допроса свидетеля по делу Гольдбрейха судом устано-

влено, что Бадировъ не знаетъ, что подполк Заварницкимъ включены въ записанное его показаніе какія либо ложныя свѣдѣнія, а подписалъ протоколъ, не прочитавъ его предварительно. Вслѣдствіе этого судъ призналъ Бадирова и Демьяненко по возникшимъ противъ нихъ обвиненіемъ въ четырехъ случаяхъ ложнаго доноса и въ умышленной порчѣ вещественныхъ доказательствъ невиновными и по суду оправданными.

На этотъ приговоръ помощникъ военного прокурора, полк. Дабовскій, представилъ протестъ, а защитникъ подсудимаго подполк. Заварницкаго присяж. повѣр. Константиновъ, принесъ кассационную жалобу.

Въ протестѣ указывалось на нарушеніе приамурскимъ в. окр. судомъ: а) Высочайшихъ повелѣній отъ 11 августа 1887 г. и 8 сентября 1905 г., въ силу коихъ судъ не имѣлъ права собственною властью смягчать подсудимому Бадирову назначеннаго ему наказанія, а долженъ былъ представить уменьшающія вину его обстоятельства на усмотрѣніе утверждающаго приговоръ начальства, такъ какъ Бадировъ былъ преданъ военному суду въ порядкѣ 6 п. 19 ст. правилъ о мѣстн., состоящ. на военномъ положеніи; б) 53 ст. угол. улож., въ силу коей судъ не вправе былъ переходить отъ назначенной подполк. Заварницкому по 3 ч. 643 ст. угол. улож. каторги на 4 года къ заключенію въ исправительномъ домѣ, а долженъ былъ при пониженіи наказанія остановиться на ссылкѣ на поселеніе, и в) 921 ст. XXIV кн. с. в. п. 1869 г. изд. 3 (всен. судеб. уст.), въ силу коей судъ обязанъ былъ упомянуть въ резолюціи объ оправданіи Демьяненко и Бадирова въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 303 ст. улож. о нак. угол. и испр.

Въ кассационной жалобѣ указывалось на нарушеніе судомъ 850, 817 и 788—795 кн. XXIV с. в. п. 1869 г., изд. 3. Нарушеніе 850 ст. воен.-суд. уст. кассаторъ усматривалъ въ томъ, что въ числѣ свидѣтелей былъ допрошенъ военный прокуроръ приамурскаго воен.-окр. суда, г.-м. Игнатьевъ, наблюдавшій за производствомъ по этому дѣлу дознанія, участвовавшій въ преданіи подсудимыхъ суду и дававшій заключенія въ распорядительныхъ засѣданіяхъ. Нарушеніе 817 ст. воен. суд. уст. кассаторъ усматривалъ въ увольненіи свидѣтеля ген.-м. Игнатьева изъ залы засѣданія на все время до приглашенія его для допроса, причемъ ген.-м. Игнатьевъ находился въ своемъ рабочемъ кабинетѣ въ другомъ зданіи. Нарушеніе 788—795 ст. воен.-суд. уст. кассаторъ усматривалъ въ томъ, что послѣ допроса свидѣтеля, агента охраннаго отдѣленія прапорщ. Церпинскаго, председатель разрѣшилъ ему остаться въ залѣ засѣданія, хотя дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ. Наконецъ, кассаторъ указывалъ на допущенное судомъ при постановкѣ вопросовъ о виновности подсудимыхъ противорѣчіе, заключавшееся въ томъ, что судъ призналъ доказаннымъ соглашеніе между Заварницкимъ и его агентами, а вмѣстѣ съ тѣмъ установилъ, что Бадировъ и Демьяненко о дѣлахъ Заварницкаго не знали.

По вступленіи дѣла въ главный военный судъ защитникъ подполк. Заварницкаго, присяж. повѣр. В. Н. Нечаевъ, представилъ дополнительное къ кассационной жалобѣ объясненіе, въ коемъ рядомъ ссылокъ на имѣющіеся въ дѣлѣ документы доказывалъ, что воен. прокуроръ г.-м. Игнатьевъ выполнялъ по настоящему дѣлу прокурорскія обязанности, вслѣдствіе чего допросомъ его въ качествѣ свидѣтеля судъ допустилъ существенное нарушеніе 850 ст. воен. суд.-уст.

Въ засѣданіи главнаго военного суда присяжный повѣренный В. Н. Нечаевъ развилъ подробно доводы кассационной жалобы.

Въ своемъ заключеніи помощникъ главнаго военного прокурора ген.-лейт. Гурскій высказался

за признаніе протеста заслуживающимъ уваженія, причемъ допущенныя судомъ при пониженіи назначенныхъ подсудимымъ Заварницкому и Бадирову наказаній нарушенія 3 ч. 53 ст. угол. улож. и Высочайшихъ повелѣній отъ 11 августа 1887 г. и 8 сентября 1905 г. находилъ существеннымъ, а отсутствіе въ резолюціи постановленія объ оправданіи Бадирова и Демьяненко по 303 ст. улож. о нак. угол. и испр. несущественнымъ, такъ какъ изъ вопроснаго листа и приговора видно, что судъ входилъ въ разсмотрѣніе этого обвиненія и призналъ его недоказаннымъ. — Переходя къ разсмотрѣнію кассационной жалобы, ген.-л. Гурскій остановился лишь на нарушеніи судомъ 850 ст. воен.-суд. уст. и высказалъ, что допросъ въ качествѣ свидѣтеля военного прокурора, который лично разсматривалъ произведенное по дѣлу дознаніе, давалъ указанія относительно его дополненія, самъ собиралъ дополнительные свѣдѣнія, далъ заключеніе о преданіи обвиняемыхъ суду и, наконецъ, давалъ заключенія въ распорядительныхъ засѣданіяхъ суда при разсмотрѣніи вопросовъ о вызовѣ свидѣтелей, долженъ былъ касаться существа и значенія для дѣла показаній этихъ свидѣтелей, является столь существеннымъ нарушеніемъ 850 ст. воен.-суд. уст., что при наличности его приговоръ о Заварницкомъ и Бадировѣ не можетъ оставаться въ силѣ судебного рѣшенія. Что же касается до Демьяненко, то вступившій уже въ законную силу оправдательный о немъ приговоръ, за силою 230 ст. воен.-суд. уст., не можетъ подлежать отмене, несмотря на допущенное судомъ существенное нарушеніе.

Обязавленной послѣ совѣщанія резолюціей главный военный судъ опредѣлилъ приговоръ приамурскаго военно-окружнаго суда въ отношеніи подполк. Заварницкаго и агента Бадирова, согласно протеста и жалобы, за существеннымъ нарушеніемъ 850 ст. XXIV кн. с. в. п. 1869 г. изд. 3, ст. 53 угол. улож. и Высочайшаго повелѣнія 8 сентября 1905 г., отменить, предоставивъ приамурскому воен.-окр. суду вновь разсмотрѣть это дѣло въ другомъ составѣ присутствія; въ отношеніи же агента Демьяненко, за силою ст. 230 кн. XXIV, а равно въ отношеніи Бадирова по обвиненіямъ, въ коихъ онъ судомъ оправданъ, приговоръ суда оставить въ силѣ судебного рѣшенія.

Изъ иностранной юридической жизни.

Изъ уголовной статистики Германіи.

Недавно опубликованы данныя германской уголовной статистики за 1907 годъ. Несмотря на экономическій кризисъ, число подвергшихся наказанію по суду сократилось въ 1907 г. по сравненію съ 1906 годомъ на 3.105 чел. Точно также упало и число разсмотрѣнныхъ судами дѣлъ: въ судѣ шеффеновъ было разсмотрѣно 630.843 дѣла (въ 1906 г.—647.585); въ судѣ присяжныхъ—4.282 (1906—4.461); въ судахъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей—27.754 дѣлъ по проступкамъ (1906—30.219) и 49.105 дѣлъ по преступленіямъ (1906—48.657).—Въ имперскомъ кассационномъ, напротивъ, число уголовныхъ дѣлъ возрасло, а именно съ 5.554 въ 1906 г. до 6.045 дѣлъ въ 1907 году.

Международный курсъ по судебной медицинѣ.

Съ 13-го по 18-ое апрѣля н. г. (по нов. стилю) въ Гиссенѣ (Германія) состоится курсъ лекцій по судебной психологіи и психіатріи, предназначенный для международной аудиторіи. Лекціи будутъ сопровождаться демонстраціями и осмотромъ тюремныхъ и исправительныхъ учреждений. Изъ числа лекцій отмѣтимъ слѣдующія: Профессора Миттермайера: Понятіе виновности, понятіе опасности преступ-

ника, классификація преступниковъ по виновности и душевному складу, отдѣльныя группы преступниковъ, несовершеннолѣтніе, привычные преступники, неисправимые, вліяніе душевнаго склада на наказаніе, система наказаній и мѣръ обезпеченія, въ особенности тюремное дѣло, тюрьма и значеніе душевнаго склада преступника, освобожденіе и попеченіе объ освобожденныхъ, мѣры, замѣняющія наказаніе. — Проф. Ашафенбургъ: Соціальныя и индивидуальныя причины преступленія, психологія преступника, уменьшенная вѣняемость и временная невѣняемость, преступность малолѣтнихъ и борьба съ нею. Проф. Даниелянъ: Приобрѣтенное слабоуміе и его связь съ преступностью, иллюзорныя представленія, какъ причина противообщественныхъ поступковъ, періодическія нарушения душевнаго здоровья и ихъ связь съ уголовнымъ правомъ. — Проф. Зоммеръ: Ученіе Ломброзо о врожденномъ преступникѣ, уголовная психологія и изслѣдованіе наслѣдственности, уголовно-наказуемое дѣяніе, какъ форма движенія, выражающаго внутренняго переживанія (Ausdrucksbewegung), детерминизмъ и наказаніе, психологія показанія и діагностика состава преступленія. — Желающіе записаться на означенный курсъ должны подать о томъ заявленіе проф. Зоммеру въ Гиссенѣ.

Ограниченіе кассации въ гражданскихъ дѣлахъ въ Германіи.

По словамъ берлинскаго „Vorwärts“, въ рейхстагъ союзнымъ совѣтомъ будетъ скоро внесенъ законопроектъ, ограничивающій кассацию въ гражданскихъ дѣлахъ только тѣми случаями, когда двѣ предшествующія судебныя инстанціи вынесли различныя рѣшенія. Если обѣ инстанціи постановили одно и то же рѣшеніе, то кассационное производство отменяется. Когда вырабатывался первый по времени проектъ устава гражданского судопроизводства, правительство выступало съ предложеніемъ вышеуказаннаго ограниченія кассации, но рейхстагъ отклонилъ его.

Право собственности на этажъ дома.

Въ Соед. Штатахъ въ обыходѣ входитъ обычай покупки въ собственность различными торговыми и промышленными предпріятіями отдѣльныхъ этажей дома. Какой-нибудь „Небоскребъ“, вышиною въ 20—30 этажей, оказывается распроданнымъ по этажамъ. Такимъ образомъ домъ идеально дѣлится не вертикальными линіями, а горизонтальными. Вопросъ о правѣ собственности на этажъ дома возникъ и въ Германіи. Въ нѣмецкой общей печати указывается, что подобный институтъ противорѣчитъ существующему гражданскому кодексу. По § 94 B. G. B. строеніе относится къ составнымъ частямъ площади, на которой оно стоитъ, по § 93 оно не можетъ быть предметомъ особыхъ правъ. Домъ принадлежитъ собственнику участка, на которомъ онъ построенъ.

Въ южной Германіи до введенія въ дѣйствіе B. G. B. (1900 г.) существовало право собственности на отдѣльные этажи. Тамъ, гдѣ оно имѣлось, оно могло и остаться. Но вводить этотъ институтъ въ жизнь при наличности нынѣ существующаго гражданского кодекса — невозможно.

ХРОНИКА.

Правит. сенатъ разъяснилъ, что одно пользованіе исключительнымъ правомъ выдѣлки и продажи питей, безъ ограниченія ввоза таковыхъ, не можетъ считаться пропинаціоннымъ правомъ, подлежащимъ выкупу въ казну; что право это не создавалось

нигдѣ русскимъ правительствомъ, а только признавалось и утверждалось въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существовало «въ давнишнее время» до присоединенія пропинаціонныхъ мѣстъ къ Россіи, и что при переименованіи селеній, находящихся въ означенныхъ губерніяхъ, въ мѣстечки въ недавнее время, т. е. послѣ присоединенія къ Россіи, пропинаціонное право, какъ таковое, не могло возникнуть вновь, за отсутствіемъ для этого законныхъ основаній.

Правит. сенатъ разъяснилъ, что вопросъ о томъ, какой ширины долженъ быть устроенъ переѣздъ черезъ желѣзную дорогу, подлежитъ разрѣшенію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по соглашенію заинтересованныхъ владѣльцевъ или обществъ съ управленіемъ дороги.

Правит. сенатъ разъяснилъ, что дѣла объ учрежденіи опеки надъ имѣніемъ дворянина вслѣдствіе расточительности должны возбуждаться губернаторомъ и разрѣшаться въ собраніи предводителей и депутатовъ дворянства той губерніи, въ которой имѣніе расточителя находится, каковое заключеніе вполне соответствуетъ и общимъ постановленіямъ дѣйствующихъ законовъ о собраніяхъ предводителей и депутатовъ дворянства, согласно коимъ таковыя собранія, какъ составляемыя исключительно изъ представителей дворянства данной губерніи (см. ст. 259 и слѣд. зак. сост.), никоимъ образомъ не могутъ простираť свою дѣятельность за предѣлы послѣдней, а потому и учрежденіе опеки дворянствомъ одной губерніи надъ имѣніемъ, находящимся въ предѣлахъ другой губерніи, представляется недопустимымъ.

Правит. сенатъ разъяснилъ, что всѣмъ русскимъ подданнымъ невоинского сословія разрѣшено пріобрѣтать въ казачьихъ войскахъ вообще дома и строенія въ собственность, съ тѣмъ, что земля подъ ними остается собственностью войска. или городского, или станичнаго общества, а пріобрѣтатель уплачиваетъ за нее опредѣленную ежегодную посаженную плату, причемъ никакихъ указаній на обязанность казны уплачивать посаженную плату за находящуюся въ ея пользованіи землю въ законѣ не содержится.

Правит. сенатъ разъяснилъ, что признаніе поселенія мѣстечкомъ слѣдуетъ понимать исключительно въ смыслѣ вослѣдованія извѣстнаго акта, имѣющаго предметомъ именно учрежденіе мѣстечка, а отнюдь не въ смыслѣ одного лишь наименованія поселенія мѣстечкомъ въ какихъ либо актахъ правительственной власти, или владѣльца имѣнія и что признаніе поселенія мѣстечкомъ можетъ считаться состоявшимся при наличности одного изъ слѣдующихъ условій: постановленія объ этомъ законодательной власти; достовѣрности послѣдовавшаго до 11 ноября 1863 г. заведенія мѣстечка владѣльцемъ имѣнія, каковой актъ, со вступленія въ дѣйствіе дворянской грамоты 1785 г., могъ

состояться лишь съ вѣдома губернатора или губернскаго правленія, и при введеніи правительствомъ въ данномъ поселеніи, какъ мѣстечкѣ, общественнаго устройства и фискальнаго обложенія, присущаго городскимъ поселеніямъ.

Правительствующій сенатъ, по выслушаніи 28 минувшаго января рапорта министра внутреннихъ дѣлъ о разясненіи вопросовъ: 1) о правѣ перехода изъ іудейской вѣры въ магометанство и 2) о томъ, освобождаются ли евреи съ переходомъ въ магометанство отъ ограниченій, установленныхъ для нихъ въ законѣ, опредѣлялъ: разяснить первый вопросъ въ положительномъ смыслѣ, а второй—въ отрицательномъ.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ правительствующему сенату повелѣно: 1) Сохранить за намѣстникомъ Его Величества на Кавказѣ, въ отношеніи всего торговаго флота Каспійскаго моря, срокомъ на шесть мѣсяцевъ, а именно по 24-е іюля 1909 года, предоставленныя ему указомъ отъ 24-го іюля 1908 г. особыя, примѣнительно къ положенію о чрезвычайной охранѣ, полномочія по изданію обязательныхъ постановленій, а также по наложенію за ихъ нарушеніе административныхъ взысканій въ предѣлахъ и порядкѣ, симъ положеніемъ предусмотрѣнныхъ (сводъ зак. т. XIV, уст. пред. прест., изд. 1890 г., прил. I къ ст. I (прим. 2), ст. 15, 16, 23 и 26 п. 5).

2) Предоставить намѣстнику передавать вышеозначенныя (отд. I) полномочія лицамъ, особо имъ для сего назначаемымъ, а равно подлежащему военному и гражданскому начальству портовыхъ городовъ Каспійскаго моря, съ тѣмъ, чтобы намѣстнику принадлежало право отмѣнять сдѣланныя названными лицами по сему предмету распоряженія.

Срокъ дѣйствія введеннаго въ городахъ Ковровѣ и Александровѣ и ихъ уѣздахъ, владимірской губерніи, положенія усиленной охраны продолженъ еще на одинъ годъ, а именно по 15 февраля 1910 г.

Уѣзды: березовскій, сургутскій, тарскій, туринскій и ялуторовскій, тобольской губерніи, оставлены въ состояніи усиленной охраны, срокомъ по 14 августа 1909 года.

Избранная спб. обществомъ патроната специальная коммиссія подъ предсѣдательствомъ сенатора И. Я. Фойницкаго и въ составѣ прив.-доц. П. И. Люблинскаго, А. М. Бѣлавина, Н. А. Окунева, разработала докладъ по вопросу о введеніи въ Россіи особаго суда по дѣламъ о несовершеннолѣтнихъ до 17 лѣтъ.

Коммиссія указываетъ, что опытъ устройства такихъ судовъ далъ уже прекрасные результаты заграницей, нынѣшнее же русское законодательство представляетъ еще большія, чѣмъ на Западѣ, удобства для введенія теперь же особаго суда даже безъ измѣненій какихъ либо нормъ въ законодательномъ порядкѣ.

Проектируемый судъ долженъ быть учрежденъ для лицъ въ возрастѣ отъ 10 до 17 лѣтъ.

Обязанности судьи должны быть въ крупныхъ центрахъ возложены на одного изъ добавочныхъ, наиболѣе опытныхъ и немолодыхъ мировыхъ судей округа, по выбору мирового съѣзда.

Въ компетенцію этого судьи входятъ, кромѣ всѣхъ преступныхъ дѣяній, подсудныхъ мировымъ установленіямъ и совершаемыхъ несовершеннолѣтними отъ 10 до 17 лѣтъ, также и всѣ дѣла о нарушеніи тѣлесной неприкосновенности и о нанесеніи легкихъ ранъ и поврежденій, когда потерпѣвшимъ является несовершеннолѣтній до 17 лѣтъ и когда дѣяніе учинено лицомъ, имѣющимъ законное о немъ попеченіе; его же вѣдѣнію подлежатъ, между прочимъ, дѣла о нарушеніяхъ закона 15/XI—1906 г. объ обезпеченіи нормальнаго отдыха служащихъ, въ тѣхъ его частяхъ, которыя касаются несовершеннолѣтнихъ.

При мировомъ судѣ должны состоять назначаемые городскимъ головою или предсѣдателемъ земской управы попечители о несовершеннолѣтнихъ (по возможности, обоюго пола), собирающіе свѣдѣнія о несовершеннолѣтнихъ, присутствующіе при разборѣ дѣла, наблюдающіе за несовершеннолѣтними, оставленными въ семьяхъ или отданными на попеченіе, и т. п.

Между прочимъ, проектъ высказывается за желательность негласнаго судебного разбирательства такихъ дѣлъ.

Въ крупныхъ центрахъ, гдѣ существуютъ мировые судьи по назначенію, особый судья по дѣламъ несовершеннолѣтнихъ назначается министромъ юстиціи.

Въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, преимущественно въ окружныхъ судахъ, проектъ считаетъ желательнымъ проведеніе специализаціи функций товарища прокурора и слѣдователя въ предѣлахъ даннаго вопроса; желательна также передача дѣлъ о несовершеннолѣтнихъ постоянно въ одно и то же отдѣленіе суда, которое разсматривало бы ихъ въ особомъ засѣданіи, отдѣльно отъ взрослыхъ обвиняемыхъ.

Проектъ высказывается за особенно тщательное и всестороннее разсмотрѣніе личности несовершеннолѣтнаго и обстоятельствъ учиненнаго имъ преступнаго дѣянія, причемъ участіе попечителей въ распорядительномъ засѣданіи суда представлялось бы весьма желательнымъ.

При кievскомъ окружномъ судѣ организовалось совѣщаніе юристовъ-практиковъ для обсужденія вопроса и собиранія матеріаловъ о реформѣ мѣстнаго суда.

Въ составъ совѣщанія вошли видные мѣстные юристы.

Совѣщаніе, между прочимъ, произвело среди крестьянъ обширную анкету о современномъ состояніи волостного суда.

Данныя анкеты весьма любопытны.

Крестьяне почти единогласно жалуются на теперешній волостной судъ. Они относятся къ нему явно отрицательно, стараются всячески избѣгать его.

Съ этой цѣлью крестьяне въ гражданскихъ, на примѣръ, дѣлахъ весьма часто искусственно повышаютъ цѣну исковъ, чтобы только не судиться въ

волости. «Волостной судъ,—жалуются крестьяне—сплошь да рядомъ состоитъ изъ безграмотныхъ, темныхъ элементовъ, среди которыхъ единственно «культурнымъ» является волостной писарь. Волостные писаря и являются заправилами въ волостныхъ судахъ; отъ нихъ въ большинствѣ всецѣло зависитъ приговоръ».

Большинство волостныхъ судей легко поддается вліянію заинтересованныхъ сторонъ.

Принимая во вниманіе такіе результаты анкеты, совѣщаніе кіевскихъ юристовъ высказалось за полное уничтоженіе волостныхъ судовъ.

23 января, въ костромскомъ окружномъ судѣ былъ оправданъ присяжными засѣдателями дворянинъ Барыбинъ, 19 лѣтъ, обвинявшійся въ томъ, что 12 августа 1907 года участвовалъ вмѣстѣ съ другими лицами въ «экспроприаціи» серебряныхъ часовъ и ружья въ усадьбѣ Богдановѣ, принадлежащей фабриканту Витову. На судебномъ слѣдствіи съ рѣдкой полнотой и яркостью была установлена непричастность Барыбина къ этому преступленію, тутъ же на судѣ обнаружено, что и при предварительномъ слѣдствіи были извѣстны обстоятельства, доказывающія его невинность, и за всѣмъ тѣмъ оказалось, что этотъ непричастный къ преступленію молодой человекъ пробылъ подъ стражей до суда ровно 17 мѣсяцевъ. Сидѣлъ онъ въ костромской тюрьмѣ.

Но на распоряженіе предсѣдателя суда объ освобожденіи Барыбина изъ-подъ стражи отъ того же 23 января послѣдовала бумага отъ начальника тюрьмы, въ которой окружной судъ извѣщается, что Барыбинъ не можетъ быть освобожденъ, ибо по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ подлежитъ за участіе въ грабежѣ высылкѣ на 2 года въ вологодскую губ. А 29 января оправданный въ грабежѣ уже пошелъ—за то преступленіе, котораго не совершалъ и въ которомъ оправданъ, въ далекую ссылку.

Членомъ гос. думы Т. О. Бѣлоусовымъ получено письмо отъ политическаго заключеннаго Мечислава Гогаевича, въ которомъ сообщается слѣдующій фактъ:

М. Гогаевичъ, австрійскій подданный, былъ арестованъ 17 декабря 1906 г. въ Кіевѣ на собраніи, вмѣстѣ съ 37 другими лицами. По отбытіи 3-хъ мѣсячи, заключ. за нелегальное собраніе, всѣ были освобождены подъ надзоръ полиціи, за исключеніемъ г. Гогаевича. Въ апрѣлѣ 1907 г. дѣло по отношенію ко всѣмъ, въ томъ числѣ и М. Гогаевичу, было прекращено. М. Гогаевичъ, какъ иностранный подданный, подлежалъ высылкѣ за границу, почему и былъ перечисленъ въ административномъ порядкѣ за губернаторомъ, который долженъ былъ снестись по этому дѣлу съ австрійскимъ правительствомъ черезъ министра иностранныхъ дѣлъ. Но прошло около двухъ лѣтъ, а М. Гогаевичъ, несмотря на его неоднократныя обращенія въ министерства внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, до сихъ поръ еще не высланъ за границу и содержится въ кіевской тюрьмѣ. Кіевскій губернаторъ на частныя прошенія М. Гогаевича

отвѣчалъ ему, что до тѣхъ поръ, пока не будетъ получено указаніе отъ мин. иностр. дѣлъ, на какую пограничную станцію онъ долженъ быть доставленъ, о высылкѣ не можетъ быть и рѣчи.

Многочисленныя прошенія, посланныя М. Гогаевичемъ министрамъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, остались безъ отвѣта. М. Гогаевичъ проситъ д. Бѣлоусова довести до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ о незаконномъ его заключеніи и содѣйствовать скорѣйшей его высылкѣ за границу.

Въ Варшавѣ приведены въ исполненіе смертные приговоры надъ Леономъ Кубичинымъ и Владиславомъ Кравчикомъ.

Въ Ригѣ приведены въ исполненіе смертные приговоры надъ двумя братьями Судмалами, Цирульи и Лодиньи.

Въ Вильнѣ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ Михлинимъ осужденнымъ за покушеніе на убійство охраннаго агента Куцко.

Въ Дубно приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ капонирами Усковымъ и Нижегородскимъ, присужденными военнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе за убійство въ ровенскомъ уѣздѣ еврейской семьи.

Въ Екатеринославѣ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ Крыловымъ, Саленко, Михайломъ и Никифоромъ Тупіями.

Въ Одессѣ приведены въ исполненіе смертные приговоры надъ четырьмя анархистами, осужденными военнымъ судомъ за вооруженныя нападенія въ Аккерманѣ и ананьевскомъ уѣздѣ.

Въ Екатеринославѣ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ Водопьяновъ.

Въ Кіевѣ казненъ участникъ шайки Савицкаго Стрый, осужденный за разбойное нападеніе.

С.-петербургское юридическое общество.

Въ засѣданіи общаго собранія с.-петербургскаго юридическаго общества 16-го января 1909 г. С. А. Бѣлякинъ прочелъ докладъ на тему: «Кодификація торговаго права отдѣльно отъ гражданскаго».

Содержаніе доклада въ основныхъ чертахъ сводится къ слѣдующему:

Процессъ разграниченія въ сферѣ частнаго права областей гражданскаго и торговаго права исторически совершался весьма медленно. Люди сравнительно рано пришли къ сознанію раздѣльности публичнаго и частнаго права, но нужны были продолжительное время и относительно высокая степень цивилизаціи для эмансипаціи торговаго права отъ гражданскаго. Полное же завершеніе этого процесса достигнуто лишь въ новѣйшее время.

Но и понынь допускается перѣдко смѣшеніе институтовъ торговаго и гражданскаго права, и въ насто-

ящее время мы встречаемъ среди юристовъ немало противниковъ автономіи торговаго права, принципиально отвергающихъ ее во имя единства частнаго права. Этотъ принципъ единства частнаго права на первый взглядъ представляется весьма заманчивымъ, но въ дѣйствительности онъ не оправдывается существомъ и взаимоотношеніемъ обѣихъ областей частнаго права, глубоко различныхъ какъ по характеру и тенденціи лежащихъ въ ихъ основѣ общихъ принциповъ, такъ и по преобладающимъ въ нихъ источникамъ правовыхъ нормъ.

Такъ, во-первыхъ, гражданское право вырастаетъ на почвѣ не однихъ хозяйственныхъ потребностей, но и идеальныхъ стремленій, приобретающихъ все большее влияние на развитіе институтовъ гражданского права. Торговое же право создается чисто хозяйственными, и притомъ специфическими, потребностями торговаго оборота, который не укладывается въ рамки гражданского права. Далѣе, въ силу тѣхъ же потребностей торговаго оборота, торговое право, въ отличіе отъ національнаго характера гражданского права, проникнуто все болѣе растущимъ стремленіемъ къ универсальности, къ выработкѣ всемірнаго торговаго права.

Во-вторыхъ, въ гражданскомъ правѣ — особенно съ развитіемъ конституціонныхъ учреждений, дающихъ возможность массѣ непосредственно вліять на законодательство, — законъ все болѣе завоевываетъ доминирующее значеніе въ качествѣ источника права, постепенно вытѣсняя обычай. Въ торговомъ же правѣ обычай игралъ и играетъ особую первенствующую роль: торговый обычай, торговые нравы — вотъ истинный законодатель въ области торговаго права.

Изложенныя различія торговаго и гражданского права постепенно привели къ сознанію необходимости автономіи торговаго права, въ формѣ отдѣльной отъ гражданского права его кодификаціи. Уже въ Римѣ появились зародыши такой автономіи — въ формѣ *jus gentium*, широко пріютившаго различныя торговые институты международнаго значенія, а также — въ формѣ специальныхъ постановленій торговаго характера: о дѣятельности банковъ, о торговомъ мореплаваніи и т. п.

Въ средніе вѣка съ развитіемъ на развалинахъ римской культуры оживленной торгово-промышленной дѣятельности возникаютъ и получаютъ широкое развитіе такъ называемые *usus mercatorum*, изъ которыхъ складываются самостоятельныя нормы торговаго права, частью въ послѣдствіи получившія въ формѣ ординасовъ Людовика XIV, законодательную санкцію. Позже объединеніе и кодификація торговыхъ обычаевъ, между прочимъ, и — вошедшихъ, въ названные ординасы, привели къ созданію *code de commerce*, который, подобно, *code civil*, былъ значительно углубленъ и усовершенствованъ послѣдующей практикой. Дальнѣйшимъ, рѣшительнымъ шагомъ въ этомъ же направленіи является изданіе нынѣшняго германскаго кодекса торговаго права (*Handelsgesetzbuch*) 1907 г., который, несмотря на спланированную агитацію въ пользу объединенія частнаго права, провелъ полную эмансипацію торговаго права отъ гражданского. Въ настоящее время вся Европа, за исключеніемъ лишь Швейцаріи, рѣшительно перешла къ системѣ дуализма, т. е. отдѣльныхъ кодексовъ торговаго и гражданского права. Въ виду этого ученые споры между дуалистами и приверженцами единаго кодекса въ европейской литературѣ сохранили въ значительной степени лишь академическій интересъ. Не то у насъ, гдѣ въ виду предстоящей въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ реформы нашего гражданского кодекса, вопросъ этотъ пріобрѣтаетъ особый практический интересъ.

Какъ же отнеслись къ этому вопросу наши редакторы гражданского уложенія? Они отказались отъ дуализма, включивъ постановленія торговаго права въ отдѣлъ объ обязательствахъ. Однако, тор-

говое право содержитъ немало институтовъ, выходящихъ изъ рамокъ обязательственнаго права, равно какъ и послѣднее заключаетъ въ себѣ институты, чуждые торговому праву. Что же касается доводовъ редакторовъ уложенія противъ дуализма, то несмотря на обиліе этихъ доводовъ, ихъ нельзя признать убѣдительными. Доводы эти двоякаго рода: историческіе и теоретическіе.

Редакторы полагаютъ, во-первыхъ, что самое возникновеніе автономнаго торговаго права исторически — случайно и объясняется тѣмъ, что въ средніе вѣка система гражданского права обособилась отъ римскаго обязательственнаго права — что и привело къ созданію независимыхъ нормъ торговаго права. Это, однако, не совсѣмъ справедливо, такъ какъ въ дѣйствительности, какъ уже упомянуто, истиннымъ творцомъ самостоятельныхъ нормъ торговаго права въ средніе вѣка были торговые обычаи — такъ называемые *usus mercatorum*. Неубѣдительно также ссылка редакторовъ на историческія традиціи русскаго законодательства, и въ частности на авторитетъ Сперанскаго, въ пользу единаго кодекса. Этотъ аргументъ — ссылка на историческія традиціи и авторитеты — вообще лишенъ внутренней дѣйности и пускается обыкновенно въ ходъ, когда хотятъ отстоять устарѣвшіе формы и институты права противъ павшихъ потребностей, — противъ требова- ній прогресса.

Редакторы ссылаются, далѣе, на примѣръ Англіи, гдѣ, по ихъ словамъ, не существуетъ различій между торговымъ и гражданскимъ правомъ, а также — на примѣръ Швейцаріи и даже нижней Канады, придерживающихся системы единаго кодекса. Но не говоря о томъ, что ссылка на Англію мало убѣдительно въ виду своеобразнаго характера и развитія англійскаго права, — и въ Англіи мы видимъ существенныя различія между торговымъ правомъ и гражданскимъ. Таково, на примѣръ, въ судѣ отношеніе къ торговому обычаю, для установленія котораго въ отличіе отъ прочихъ обычаевъ не требуется предварительнаго подтвержденія судебнымъ рѣшеніемъ. Что же касается Швейцаріи и нижней Канады, то въ этихъ странахъ отличительной чертой гражданского права является его коммерціализація, т. е. проникновеніе его меркантильнымъ духомъ, по характеру весьма сближающимъ его съ торговымъ правомъ. Тѣмъ не менѣе, и швейцарскіе юристы признаютъ, что единый кодексъ не устраняетъ, а лишь замаскировываетъ существующія различія.

Теоретическіе доводы редакторовъ сводятся, главнымъ образомъ, къ указаніямъ на трудность опредѣленія понятій торговой сдѣлки и т. п. На это можно возразить, что торговая сдѣлка, какъ сдѣлка купца, совершенная въ предѣлахъ его профессіи, не вызываетъ неясностей и недоразумѣній. Затрудненія касаются лишь сдѣлокъ между лицами не торговаго сословія, слѣдовательно — ничтожнаго процента сдѣлокъ, составляющихъ область торговаго права. Во всякомъ случаѣ, трудность проведенія границы между торговымъ и гражданскимъ правомъ отнюдь еще не говоритъ въ пользу сліянія двухъ различныхъ по духу и задачамъ областей права.

Кромѣ изложенныхъ доводовъ редакторовъ, есть еще доводъ политическаго характера, нерѣдко выдвигаемый на Западѣ въ пользу объединенія гражданского и торговаго права. Такъ итальянскій юристъ Vivaute утверждаетъ, что дуализмъ мѣшаетъ прогрессу гражданского права, способствуя сохраненію въ немъ отсталыхъ традицій и принциповъ; объединеніе же гражданского права съ торговымъ должно оказать на него благотворное вліяніе въ смыслѣ большаго проникновенія гражданского права принципами соціальной справедливости. Однако, не говоря о томъ, что въ борьбѣ за прогрессъ и за соціальную справедливость такая мѣра, какъ объединеніе двухъ кодексовъ, явилась бы лишь палліа-

тивомъ (предполагая даже, что ова имѣла бы въ этомъ смыслѣ извѣстное значеніе), у насъ, въ теперешнихъ условіяхъ, этотъ доводъ теряетъ даже эту относительную свою цѣнность, ибо мы находимся наканунѣ коренной перестройки частнаго права на новыхъ началахъ, и потому намъ, понятно, нѣтъ надобности прибѣгать къ такому косвенному способу улучшенія гражданского права. Но и вообще слѣдуетъ сказать, что искусственное объединеніе двухъ по существу разнородныхъ областей права такъ же мало можетъ быть оправдано ссылками на традиціи какъ и противоположной тенденціей—косвенно содѣйствовать этимъ путемъ прогрессу гражданского права. *Summum cuique*—вотъ истинная основа прогресса и, въ частности, — развитія правовыхъ институтовъ. Это не исключаетъ, конечно, взаимодѣйствія между обѣими областями частнаго права. Напротивъ, такое взаимодѣйствіе столь же полезно, сколько и неизбежно. Какъ на примѣры такого взаимодѣйствія можно указать съ одной стороны на постановленія о несовершеннолѣтнихъ, заимствованныя торговымъ правомъ у гражданского, а съ другой—на расширение правъ женщинъ и нормы о третейскомъ судѣ, проникшія изъ торговаго права въ область гражданского. Но фактъ наличности и желательности такого взаимодѣйствія отнюдь не говоритъ въ пользу смѣшенія и насильственного объединенія двухъ разныхъ по духу и задачамъ областей права.

Необходимо издать и у насъ отдѣльный кодексъ торговаго права. Для этого необходимо прежде всего дать въ законѣ систему общихъ и основныхъ понятій торговаго права, уничтоживъ такимъ образомъ ту частую чрезполосицу опредѣленій, которая, при отсутствіи въ законѣ общихъ понятій торговаго права, какъ „купецъ“, „фирма“ и т. п., составляетъ крупный пробѣлъ нашего законодательства. И такъ какъ въ судебной нашей практикѣ фактически уже существуютъ двѣ системы права, то законодателью остается лишь фиксировать ихъ въ законѣ путемъ кодификаціи торговаго права отдѣльно отъ гражданского.

Вопросъ о торговыхъ судахъ, возникающій въ связи съ вопросомъ объ отдѣльной кодификаціи торговаго права, имѣетъ для насъ также непосредственное практическое значеніе въ виду существованія у насъ коммерческихъ судовъ. Автономное торговое право, конечно, потребовало бы и особой системы торговыхъ судовъ. Напротивъ, объединеніе торговаго и гражданского права въ единомъ кодексѣ—„Гражданскомъ Уложеніи“—повлекло бы, разумѣется, за собой и упраздненіе существующихъ коммерческихъ судовъ—о чемъ нельзя было бы не пожалѣть въ виду того, что коммерческіе суды, благодаря особой организаціи, представляютъ весьма желательный типъ суда, удачно совмѣщающій въ себѣ, съ одной стороны, начала добраго стараго процесса съ его стремленіемъ къ матеріальной истинѣ, а съ другой—начала формальнаго процесса съ его принципомъ автономной личности.

По окончаніи доклада открылись пренія.

В. М. Нечаевъ указываетъ, что вопросъ объ отдѣльной кодификаціи торговаго права принадлежитъ къ числу тѣхъ вопросовъ, которые всегда возбуждаютъ живой интересъ. Но центръ тяжести этого вопроса лежитъ не въ сферѣ общихъ аргументовъ за и противъ такой кодификаціи: составъ этихъ аргументовъ, можно сказать, уже исчерпанъ въ наукѣ, и центръ тяжести вопроса перемѣстился въ область конкретныхъ соображеній, — вопросъ долженъ рѣшаться съ точки зрѣнія практической цѣлесообразности.

Къ сожалѣнію, надежда оппонента—услышать отъ юриста-практика именно такого рода практическія соображенія, не оправдалась, и докладчикъ представилъ лишь обзоръ общихъ аргументовъ, давъ имъ притомъ не всегда правильное освѣщеніе. Такъ,

по вопросу о разграниченіи понятій торговаго и гражданского права докладчикъ, очевидно, не считается съ сущностью затрудненія: послѣднее заключается въ томъ, что, какъ справедливо замѣчаетъ Дерибургъ, не существуетъ вообще торговой сдѣлки, какъ таковой. Старая французская точка зрѣнія—объективная, оказалась вполнѣ несостоятельной, и пришлось поэтому перейти къ точкѣ зрѣнія субъективной, но послѣдняя не устраняетъ затрудненія, ибо при ближайшемъ разсмотрѣніи сдѣлки въ ней сказывается два существенныхъ элемента: отношеніе лицъ, ее заключившихъ, и значеніе сдѣлки, перешедшей къ третьимъ лицамъ. Послѣдній элементъ и создаетъ для субъективной теоріи торговыхъ сдѣлокъ непреодолимое затрудненіе.

Далѣе, докладчикъ противопоставляетъ торговое право гражданскому, какъ универсальное національному. Но это—лишь слова, не соответствующія дѣйствительному положенію вещей. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ построеніе гражданскихъ отношеній не принимаетъ на нашихъ глазахъ универсальнаго характера?—напримѣръ, семейныя отношенія и даже вещное право, не говоря уже объ обязательственномъ, которое, можно сказать, коммерціализировалось? Тенденція къ всемирности есть общая черта гражданскихъ правовыхъ отношеній, все усиливающаяся съ ростомъ культуры, а отнюдь не отличительная особенность торговаго права.

Столь же неправильно противопоставленіе торговаго и гражданского права по ихъ объекту, именно: съ одной стороны—потребности торговаго оборота, чисто-хозяйственная сфера, съ другой—нравственныя и идеальныя начала. Но, вѣдь, и сферу гражданского права преимущественно составляютъ несомнѣнно имущественныя отношенія. А съ другой стороны—развѣ и въ торговомъ правѣ нравственное начало „справедливости“, „доброй совѣсти“ и т. п. (особенно, напримѣръ, въ безформенныхъ сдѣлкахъ) не играетъ крупной, все болѣе растущей роли?

Напрасно, наконецъ, докладчикъ говоритъ о совершившейся будто бы эмансипаціи торговаго права отъ гражданского—такой „эмансипаціи“ въ дѣйствительности нѣтъ, и въ этомъ убѣждаетъ насъ хотя бы повѣйшій германскій торговый кодексъ, въ которомъ такая масса статей кончается ссылкой на §§ гражданского уложенія.

По всемъ этимъ соображеніямъ нельзя не согласиться съ мнѣніемъ редакторовъ гражданского уложенія о необоснованности дуализма и о предпочтительности единого кодекса.

Ф. А. Вальтеръ защищаетъ редакторовъ гражданского уложенія отъ нападокъ докладчика. По вопросу о возникновеніи самостоятельнаго торговаго права въ средніе вѣка редакторы правильно видятъ причины этого возникновенія въ исторически случайномъ стеченіи обстоятельствъ. Именно, съ появленіемъ и развитіемъ городскихъ статутровъ въ средніе вѣка, гражданское право, и преимущественно обязательственная его часть, обособилось отъ римскаго права и, благодаря сословному характеру городского населенія получило форму самостоятельнаго торговаго права. Впослѣдствіи этотъ сословный характеръ торговаго права былъ уничтоженъ возникшимъ опять-таки случайно *code de commerce*, придавшимъ торговому праву общій, бессословный характеръ.

Неправильны, далѣе, по существу сдѣланныя докладчикомъ противопоставленія гражданского и торговаго права. Предыдущій оппонентъ указалъ уже, что стремленіе къ универсальности есть черта не одного лишь торговаго права; къ этому можно добавить, что національныя особенности прогрессивно убываютъ въ слѣдующемъ порядкѣ: наибольшему ихъ вліянію подвергаются семейныя отношенія, далѣе слѣдуютъ наследственныя, потомъ—вещныя отношенія и, наконецъ, менѣе всего отражаютъ на себѣ эти черты обязательственныя и торговые от-

пошенія. Очевидно, что для противопоставленія въ этомъ смыслѣ гражданскаго и торговаго права нѣтъ основаній. Вообще, если бы въ дѣйствительности существовали то принципиальное различіе и даже противоположность тенденцій, какія докладчикъ находитъ между гражданскимъ и торговымъ правомъ, то очевидно, что эта противоположность должна была все болѣе углубляться и найти свое отраженіе прежде всего въ общей части двухъ кодексовъ. Между тѣмъ, именно въ общихъ частяхъ гражданскаго и торговаго права мы видимъ обратное явленіе, и, напримѣръ, общая часть германскаго торговаго права, бывшая въ старомъ торговомъ уложеніи довольно богатой и полной, въ новомъ торговомъ кодексѣ чрезвычайно сократилась. Также и отдѣльные институты, какъ *Wegvertrag*, *Meklervertrag*, *Anweisung* (*delegatio*), относящіеся къ торговому праву, помѣщены въ гражданскомъ кодексѣ.

По поводу ссылки докладчика на примѣръ всей Европы, перешедшей къ системѣ двухъ кодексовъ, слѣдуетъ замѣтить, что фактъ этотъ самъ по себѣ ничего не доказываетъ, а, напротивъ, нуждается самъ въ оправданіи. Въ этомъ отношеніи мы находимся именно въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ другія націи, такъ какъ мы можемъ воспользоваться ихъ опытомъ, подвергнувъ его тщательной проверкѣ.

Если, такимъ образомъ, нѣтъ никакихъ принципиальныхъ основаній противъ единого кодекса, то вопросъ объ одномъ или же двухъ кодексахъ, очевидно, долженъ быть признанъ вопросомъ простой целесообразности. Съ этой точки зрѣнія на первый взглядъ можетъ показаться, что система отдѣльнаго торговаго кодекса представляетъ извѣстныя преимущества. Но если, какъ то мы видимъ въ германскомъ торговомъ кодексѣ, масса статей послѣдняго кончается стереотипной ссылкой на соответствующій § гражданского уложенія, находящій въ данномъ случаѣ „соответственное примѣненіе“, причемъ это примѣненіе вызываетъ „соответственныя“, подчасъ весьма серьезныя затрудненія, то эти кажущіяся преимущества и выгоды отдѣльнаго кодекса оказываются довольно сомнительными. Практичнѣе поэтому представляется общій единый кодексъ.

Б. Н. Кантъ, присоединяясь къ мнѣнію предыдущихъ оппонентовъ противъ системы двухъ кодексовъ, касается вопроса о торговыхъ, въ частности — нашихъ коммерческихъ судахъ. Докладчикъ, повидимому, идеализируетъ эти суды, видя въ нихъ какое то счастливое сочетаніе и примиреніе разныхъ началъ процесса. Въ дѣйствительности же, если коммерческіе суды и функционируютъ болѣе или менѣе сносно и противъ нихъ не раздается особыхъ протестовъ, то это именно потому, что никакого особаго судопроизводства въ нихъ нѣтъ и что они въ дѣйствительности слѣдуютъ не устарѣлымъ нормамъ торговаго права и судопроизводства, а общимъ законамъ. Но въ такомъ случаѣ существованіе этихъ судовъ теряетъ свой *raison d'être*, а въ особенности существованіе 3-хъ судовъ на всю Россію не можетъ быть ничѣмъ оправдано. Такая привилегія, хотя бы и сомнительная, для трехъ городовъ на 150-милліонную страну — во всякомъ случаѣ, является аномаліей и несправедливостью.

М. М. Винаверъ указываетъ, что основная тенденція доклада, заключающаяся въ противоположеніи и обособленіи гражданскаго права, какъ „національнаго“, отъ торговаго права, какъ общечеловѣческаго, прежде всего отдаетъ старымъ романтизмомъ.

Плодотворные періоды развитія права совпадали въ исторіи именно съ тѣми моментами, когда право эмансипировалось отъ узкихъ національных особенностей и стремилось стать общечеловѣческимъ. Поэтому тенденція къ такому сознательному обособленію *par force* гражданского права, во имя сохраненія національных особенностей, представляется съ

точки зрѣнія общаго прогресса права опасной или, по меньшей мѣрѣ, отсталой.

Итакъ, если бы даже и признать вмѣстѣ съ докладчикомъ, что между гражданскимъ и торговымъ правомъ существуетъ принципиальное различіе, какъ между правомъ „національнымъ“ и „универсальнымъ“ (съ чѣмъ, однако, нельзя согласиться), то и въ такомъ случаѣ идея ихъ раздѣленія во что бы то ни стало представлялась бы неправильной.

Не болѣе убѣдительно и другой аргументъ въ пользу этого раздѣленія, исходящій изъ различія хозяйственнаго начала (въ торговомъ правѣ) и нравственнаго, идеальнаго начала (въ гражданскомъ). Это различіе еще болѣе лишено принципиальнаго характера: докладчикъ не указалъ, да и не укажетъ намъ такихъ принциповъ, которые дѣйствовали бы въ одной изъ этихъ областей и не находили бы примѣненія въ другой. Все сводится, слѣдовательно, лишь къ количественному различію въ этомъ отношеніи между двумя областями частнаго права. Такой же количественный характеръ имѣетъ и третье, указанное докладчикомъ, различіе въ значеніи обычая, какъ источника нормъ, въ гражданскомъ и торговомъ правѣ.

Но, и помимо этихъ чисто-практическихъ соображеній, самый принципъ единства частнаго права нельзя признать желательнымъ и целесообразнымъ. Именно, при томъ рѣзко-меркантильномъ характерѣ, который отличаетъ торговое право отъ гражданскаго, едва ли было бы полезно для гражданскаго права, путемъ конфузій его съ торговымъ правомъ, усилить вліяніе на него этого послѣдняго. О вредѣ и нежелательности такого вліянія высказывается, между прочимъ, и проф. Петражицкій, убѣжденный сторонникъ дуализма. Результатомъ такого чрезмернаго вліянія торговаго права на гражданское явилась бы коммерціализація этого послѣдняго, какую мы видимъ въ Швейцаріи, — примѣръ, отнюдь не достойный подражанія. Съ другой стороны, въ виду большей подвижности нормъ торговаго права и болѣе скорого приспособленія ихъ къ требованіямъ жизни, нежелательно и съ точки зрѣнія торговаго права связывать его судьбу съ гражданскимъ правомъ. Конечно, взаимодействие между торговымъ и гражданскимъ правомъ всегда желательно и неизбежно, но въ интересахъ обѣихъ областей частнаго права — ихъ независимость другъ отъ друга и самостоятельное функционированіе въ формѣ отдѣльныхъ кодексовъ. Взаимное координированіе, но не поглощеніе и сліяніе — таково единственно правильное рѣшеніе данного вопроса.

Что касается вопроса о коммерческихъ судахъ, то онъ не играетъ, вообще, существенной роли въ докладѣ и затронутъ лишь мимоходомъ, причемъ, конечно, не имѣлось въ виду отрицать необходимость для этихъ судовъ реформъ, какъ, напр., организація инстанцій и т. п. Тѣмъ не менѣе, самый типъ этихъ судовъ, съ участіемъ въ нихъ вѣнотораго общественнаго элемента, представляется, вопреки утвержденіямъ оппонента, весьма желательнымъ, благодаря удачному сочетанію въ немъ началъ и принциповъ двухъ разныхъ типовъ процесса: формальнаго и матеріальнаго.

Л. С. Таль, не касаясь доклада (оппонентъ пришелъ по окончаніи доклада), высказывается за единый кодексъ, ссылаясь на примѣръ Остзейскаго края, гдѣ объединеніе торговаго и гражданскаго права въ одномъ кодексѣ оказало весьма благотворное вліяніе на развитіе обѣихъ областей частнаго права. Также и съ теоретической точки зрѣнія болѣе правильнымъ представляется объединеніе, а не разъединеніе гражданскаго и торговаго права: это можетъ подтвердить всякій преподаватель торговаго права, которому при изложеніи слушателямъ того или другого института всегда приходится пользоваться понятіями и аналогіями изъ области гражданского права, какъ наилучшимъ средствомъ для объясненія любого

института торгового права. Такимъ образомъ едва ли можно представить какія либо серьезныя основанія, теоретическія или практическія, въ пользу отдѣльной кодификаціи торгового права.

Закрывая собраніе, председатель М. М. Винаверъ указалъ на своевременность поднятой въ докладѣ темы въ виду близости разсмотрѣнія нашими законодательными учрежденіями проекта гражданского уложенія. Докладчикъ заслуживаетъ одобренія за т.

что далъ въ сжатой, изящной формѣ обзоръ аргументовъ общаго характера за и противъ автономіи торгового права. Аргументы эти въ теченіе десяти лѣтъ вызвали страстную полемику среди юристовъ и въ настоящее время вновь пріобрѣтаютъ у насъ живой практическій интересъ.

Слѣдуетъ надѣяться, что настоящій докладъ послужитъ началомъ для ряда другихъ докладовъ на эту столь же интересную, сколь и важную тему.

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Касс. Деп. Правит. Сената.

На 21-е февраля по второму общему собранію.

По прошенію повѣреннаго ревельскихъ евангелическо-лютеранскихъ церквей, присяжнаго повѣреннаго фонъ Сизерса, о пересмотрѣ опредѣленія второго общаго собранія пр. сената 28 марта 1905 г. по иску означенныхъ церквей къ гор. Ревелю; по всеподданнѣйшей жалобѣ Екатерины Штенко на опредѣленіе судебнаго департамента по иску Луки Штенко съ псаломщика Елисея Запорожченко по 4-мъ векселямъ 4000 руб. съ проц. и издержками; по всеподданнѣйшей жалобѣ вдовы дѣйств. статск. совѣтника Танаіи Ефимовой на опредѣленіе судебнаго департамента о взысканіи съ нея мѣщаниномъ Георгомъ Петсономъ 4600 руб.; по всеподданнѣйшей жалобѣ купца Шамси Асадуллаева на опр. судеб. департамента прав. сената о взысканіи купцомъ Григоріемъ Демботомъ съ Асадуллаева 29629 руб. 1 коп. съ проц. по договору перевозки нефтяныхъ остатковъ.

На 16-е февр. по судебному д-ту

Апелляціонныя: по взаимн. искамъ А. Дербариндигера и російск. общ. морск. рѣчн. и сухоп. страх. и трансп. кладей съ выдачею ссуды; К. Пузына и М. Бресляуера; по искамъ: конк. упр. по дѣламъ тов. „Кафе-де-Пари“ съ торг. дома „Г. Шефлеръ“ 36000 руб.; Г. О. Силлемъ съ тов. завода И. Дурдина; Я. Пумпянского съ Н. Воронинимъ 3400 руб. съ проц.; правл. коммерч. стр. общ. съ О. Розентъ 3869 руб. 39 к. съ проц.; по взаимн. искамъ Ф. Кіентауза и общ. „Анонимное общ. для постр. фабричн. трубъ и печей Альфонсъ Кустолісъ“.

Частныя: по жалобамъ на сб. комм. судѣ: пов. К. Чубакова, пр. пов. Штюрмера; пов-хъ ликв. комис. по дѣламъ коми. „Надежда“, пр. пов. Русакова и акц. общ. бумажн. мануф. И. К. Познанскаго, пр. стр. Левинсона; пов. Р. Буланже, пр. стр. Шефера; пов. Э. Глейзмана, пр. стр. Перетца; пов. С. Алексѣева, прис. пов. Харламова; Д. Лаврентьева; не-сост. М. Конфельда; пов. А. Тишиной, пр. стр. Кононцанцева; А. Смилсо; пов. К. Корыбутъ-Дашкевича, пр. пов. Галчинскаго; уполн. госуд. банка, пр. пов. Иванова; сб. казен. палаты (по д. Туницына); тоже (по д. Варюшинныхъ); на одесскій комм. судѣ: пов. душепр. Б. Швагера, М.-С. Швагера и Э. Фрейзингеръ; пр. стр. Лагранскаго; А. Дубова на яросл. губ. правл.; о прод. недвиж. имѣн. мал. Н. Трипировой.

На 19-е февраля, по 1 экспед. судебн. д-та.

Апелляціонныя: по искамъ: Шиховой съ Кирсановой 16.000 р.; Левчиновскаго къ опеку надъ имуществомъ умершей Соловьевой 5000 р. съ проц.; по взаимнымъ искамъ: Тарновскаго и общ. Хамовническаго пивовареннаго завода; Бурдылина и Спиридонова.

Частныя: по жалобамъ на московскій комм. судѣ: Амирова, упол. на продол. торг. дѣлъ Теръ-Акопова; Губина; Простакова; по жалобѣ на сб. комм. судѣ: товар. русско-французскихъ заводовъ „Проводникъ“;

о продажѣ, залогѣ и перезалогѣ недвиж. имущ.: Г. Илія Успенскаго; Мартыновой; Бѣлецкихъ; Дулко; Важ; новыхъ; Чермарева; Бибица; Матуева; Конколовичей; Морозовыхъ; Демьяновичъ; Петрушина; Стрѣльченко Повалишина; Крассовской; Львова; Миклашевскихъ

На 17-е февраля, по суд. присут. правит. сен.

Дѣло о бывшихъ ректорѣ императорскаго ново-російск. университета Занчевскомъ и проректорѣ того же университета Васильковскомъ.

На 17-е февраля, по апел. отд. угол. касс. д-та.

По отзывамъ: Сермана вилен. с. п. 129 ст. уг. ул.; Ярлова тифлис. с. п. 347 и 403 ст. улож. по протесту товар. прок. виленск. с. п. по обв. Травелли по 103 ст. уг. ул.

На 19 февр. по 1 отд. угол. касс. д-та.

Жалобы: Трошина екатеринодар. о. с. 556 ул.; Васильева саратов. о. с. 2 ч. 1484 ул.; Забѣлиной саратов. м. с. 142 уст.; Тычинныхъ и др. саратов. о. с. 169 уст.; Тимченко ейск. м. с. 169 уст.; И. оземцева и др. ставроп. о. с. 269' ул.; Гриценко и др. саратов. о. с. 1489 ул.; Скоробогатова тамбов. м. с. 169 уст.; Лѣсняковыхъ и др. саратов. о. с. 1603 ул.; Растованова и др. грозненск. м. с. 115 уст.; Коновалова тамбов. о. с. 1540 ул.; Пчелинцева пензенск. о. с. 1490 ул.; Десятова пензенск. о. с. 1490 ул.; Каткова пензенск. о. с. 1651 ул.; Уточкина саратов. о. с. 169 уст.; Соколовскаго екатеринодар. о. с. 1641 ул.; Васильева оренб. о. с. 1642 ул.; Лепехина тамб. о. с. 169 уст.; Оськина и др. саратов. о. с. 269' ул.; Яковлева и др. троцк. о. с. 591 ул.; Панина тамб. о. с. 172 уст.; Андрюкова сарат. о. с. 1483 ул.; Тюрикова ейск. м. с.; Кузьмина владим. м. с.; Антипова калуж. о. с.; Демакиной смол. о. с.; Шильта прокур. Егорова грозненск. м. с.; Запасной екатеринодар. м. с.; Лейтала витеб. о. с.; Поповой тамбов. о. с.; Иванникова елецк. о. с.; Гирша и др. 2 ломжинск. м. с.; Кириченко полтав. о. с.; Красникова елецк. о. с.; Шустрова моск. о. с.; Чайковскаго 1 площ. м. с.; Иванова тамбов. о. с.; Лившицовъ летищев. м. с.; Сиреля вез.-вейсеншт. м. с.; Лиса 1 радомск. м. с.; Познанскихъ одесск. о. с. всѣ въ нар. акц. уст.; Браунштейно и др. варш. с. п. нар. стр. уст.; Сивека 2 ломжинск. м. с. нар. там. уст.; Полазича киевск. м. с. нар. строит. уст.; Гедлеръ гродненск. о. с. нар. строит. уст.

Протест. тов. прок.: сувалкск. о. с. — сувалкск. 1 окр. м. с. Рахлиной и др. 29 уст.

На 20-е февраля, по 2 отд. угол. касс. деп.

Жалобы: Квртя нѣжинск. о. с. 169 и 172 уст.; Матюхи чернигов. о. с. 169 уст.; Третьяка елисаветградск. о. с. 170' уст.; Зарембо витеб. о. с. 2 ч. 1484 ул.; Мнацаковскаго тифлисск. с. п. 20 декабря 1908 г.; Кочерыгинныхъ и др. новгор. о. с. 1490 ул.; Мироненко и др. херсонск. о. с. 2 ч. 1483 ул.; Разголя и др. витебск. о. с. 1464 ул.; Тарновскаго житомір. о. с. 1455 ул.; Столбйна харьков. с. п. 24 нояб. Штейнъ сб. о. с. 1681 ул.; Мельникова нѣжинск. о. с. 1483 ул.; Ильченко елисаветгр. о. с. 170' уст.;

Петрова витеб. о. с. 1653 ул. Макарова великолуцк. о. с. 170¹ уст.; Смирнова и др. великолуцк. о. с. 1489 ул.; Пинецких 1 сѣлецк. м. с. 23 янв.; Дорохина и др. симферопол. о. с. 1655 ул.; Брускиной и др. читеб. о. с. — Можейко и др. 269¹ ул.; Миходенко и др. херсонск. о. с. 170¹ уст.; Рябинина спб. с. п. 12 дек.; Липскаго виленск. с. п. 15 дек.; Копылова стародубск. о. с. 1480 ул.; Шестаковой и др. чернигов. о. с. 942 ул.; Рымши виленск. с. п. 18 нояб. 1908 г.; Шрама елисаветград. о. с. 169 ул.; Урупина могилев. о. с. 1455 ул.; Лосевыхъ великолуцк. о. с. 1434 ул.; Носиковскаго к.-подольск. о. с. 1484 ул.; Петрова гродненск. о. с. 1655 ул.; Кузьменко витеб. о. с. 1465 ул.; Исаковой кievск. с. п. 9 дек.; Черника казанск. с. п. 20 окт.; Ханиныхъ спб. с. п. 29 нояб.

Протесты: товарищ. прокур. спб. о. с. Петрова 1663 улож.; прокур. повгородск. о. с. Луккина 1525 улож.

На 20-е февраля, по 4 отд. угол. касс. д-та.

Жалобы: Костенко новочеркасск. с. п. 377 улож.; Костерскаго кѣлецк. 1 окр. м. с. 33 уст.; Власовой и др. сарат. с. п. 102 угол. улож.; Фролова спб. с. п. 354 улож.; Лопатинныхъ омск. с. п. 1455 улож.; Абду-Халыкова ташкентск. с. п. 1629 улож.; Васильева сарат. с. п. 1453 ул.; Романовича и Булкина моск. с. п. 102 угол. улож.; Полякова новочерк. с. п. 1485 ул.; Копылова моск. с. п. 22 ноября 1908 г.; Дегтярева и Чумакова сарат. с. п. 1441 ул.; Гордиенко харьк. с. п. 373 ул.; Михневича и Викшно виленск. с. п. 1455 улож.; Кузнецова тифлисск. с. п. 1455 ул.; Виха варшавск. с. п. 1451 улож.; Сабоцни-ской петроковск. 3 окр. м. с. 135 уст.; Соколова сарат. с. п. 129 угол. улож.; Умерова сарат. с. п. врем. правила о печати; Щеголева сарат. с. п. 102 угол. улож.; Фляшъ ташкентск. с. п. 102 угол. улож.; Матвѣенко и Завгороднаго харьк. с. п. 1481 улож.; Теръ-Погосова тифлисск. с. п. 1647 улож.; Цура варшавск. с. п. 1454 ул.; Горшарука и др. кievск. с. п. 1464 улож.; Атишева и Абрашитова омск. с. п. 1653 улож.; Попова тифлисск. с. п. 362 улож.; Глазера спб. с. п. 180 уст.; Шатурія тифлисск. с. п. 1483 улож.; Плохацкаго варшавск. с. п. 1455 улож.; Щитова на опред. спб. с. п.; Константинова новочерк. с. п. 457 улож.; Розенберга варшав. с. п. 1651 улож.; Акаева и др. тифлисск. с. п. 1629 улож.; Дагаева харьк. с. п. 354 улож.; Корыцискаго варшавск. с. п. 271 улож.; пов. екатери-нинск. ж. д. новочеркасск. с. п. по обв. Мацкевича по 354 улож.; Шнайдера одесск. с. п. 940 улож.

Протесты товарищей прокуроровъ: тифлисск. с. п. по обв. Хечина и др. по 125 угол. улож.; харьков. с. п. по обв. Зориной по 129 угол. улож.; харьковск. с. п. по обв. Шапарова и др. по 130 угол. улож.; саратовск. с. п. по обв. гр. Толстого по 129 угол. улож.

Дѣла о возобновленіи: о Локтюшевѣ, Рыненковѣ, Кузнецовѣ и Ухановѣ, Бычковѣ, Никлифѣ, Кіани-цинѣ, Зарѣцкомѣ.

На 16-е февраля, по 1 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: Зусьмановъ съ Чубовскимъ; Жагули-ныхъ съ Жагулиными; Роттермунда съ Чудинскимъ; конкурснаго упр. по д. д. несостоят. Д. Андреевой съ спб. торг. банкомъ; Маслова съ Перва-комъ; Муратовой; Фрейманъ и др. съ Портновой; Поливаннаго съ Поливаннымъ; Эпштейна съ Бѣляе-вымъ; Бергъ съ Арпстѣ; Юшеновыхъ; Стоярова (о прекращеніи).

Сѣздовья: Вишневецаго съ торг. д. Смелсъ, Ильсъ и К^о; Алиева съ Назаревымъ; Мысько съ Очеретной; Буркова съ Бурковой; Копляца съ Прусскимъ; Шулицкой съ Пентюкомъ и др.; Манд-ровскаго съ Петрицкой 2 дѣла; Леонова съ Евста-ратовымъ; Комкова съ Комковой; Фишмана съ Ка-ганомъ; Смирнова съ Фейгинымъ; Розенвассера съ

Добровольскимъ; Гантна съ Колчинымъ; Балкиныхъ съ павловскимъ сел. общ.; Ковалева съ Ковалевой; Лошалина съ Рыженко; Бѣляшевой съ Микешиными и др.; Фенько со Старикомъ; общ. станицы ново-григорьевской съ Кирѣевымъ; Булакова; Курицына; вытегорскаго окружнаго упр. путей сообщенія.

На 16-е февраля, по 2 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: упр. жел. дор. съ Яргаевымъ, Геря-ными, Кушнеромъ, Диленко, Морозовыми, Натари-нымъ, Каномъ; общ. рязанско-уральск. жел. дор. съ Окоповымъ; Масловымъ, Михальцевымъ; упр. южной части оренб.-ташкент. ж. д. съ Цыгановымъ; Бати-стова съ упр. екатерининск. ж. д.; Назарова съ анон. общ. тифлисск. трам.; Панова съ общ. юго-восточн. ж. д.

Сѣздовья: упр. жел. дор. съ Бартомъ; Глатев-ичемъ, Кивеліевичъ, Биренбаумомъ и др.; Шерешев-скими, Голубчикомъ, Левинсономъ 4 дѣла; Краевскимъ и др.; Рабиновичемъ, бр. Ходемъ, Пумпянскимъ, Слуцкимъ и др.; Ловяновымъ, Иткинымъ и др.; правл. фабр. В. Барышниковъ и с-ья, Голубчикъ, Кравцовымъ, фирм. Штейнгагенъ и Винше, Айзен-маномъ, Найкругомъ; Кочергина, восточн. общ. тов. складовъ и др. съ общ. моск.-казанск. ж. д.; Вах-нянскаго и др. съ упр. харьк.-никол. ж. д.; общ. варш.-вѣнск. ж. д. съ Лещинскимъ и др.; Сойкой, Басевнемъ и др.; упр. привсел. ж. д. съ Вайсфляй-семъ; упр. ташкент. ж. д. съ Петровымъ; Зильбер-штейна съ упр. сѣверо-западн. ж. д.; Дуневича и др.; Головина съ общ. рязан.-уральск. ж. д.; упр. сызрано-вяземской ж. д. съ Сѣровымъ; Скоморовской съ упр. юго-западн. ж. д.

На 17-е февраля, по 3 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: Воронцова съ Никольскимъ; Огурцова съ Кружковымъ; кievской дух. кон. съ Чернымъ; Куркина съ орловской дух. кон.; Павленкова съ лушниковскимъ сельск. общ.; Малевскаго съ Клеп-нымъ; черниговской дух. кон. съ Пекуромъ.

Сѣздовья: Берцакаго съ Чистилинымъ; Трески-ной съ Петраковскимъ; Логвинова съ Шмидтъ; Оболенскаго съ Венцель; Доронина съ Васильевыми; Шиломовича съ Диринымъ; Соколова съ Якоби; Ра-сѣвичъ съ Ситниковымъ; Снѣсарева съ Охрименко; Сологуба съ Охримовымъ; москов. тов. для ссуд. полъ закладъ движ. имущ. съ Ильинымъ; Лернеръ съ Бронштейнъ; Любленъ съ конкурсомъ Хохревой и Москвинымъ; Чикина съ Щербаковыми; Качул-киной съ Шолудько и др.; Хамзева съ Барановой; Ключкина съ Крымзенковыми; Шевченко съ Бубе-лемъ; Лейзинскаго съ Зубриемъ; общ. дер. Каменной Балки съ Островскими; торг. дома Булыгинъ и Сынтъ съ общ. кр. д. Аланъ-Беккеръ; Горобца съ Гороб-цомъ; Ольшанецкихъ съ Романчикомъ-Федоровичемъ; Сквирскаго съ Перчикомъ; Киселева съ Волтати-сомъ; Павловской съ Дубинскимъ.

На 17-е февраля, по 4 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: Барановскаго съ тифлисскимъ дворян-скимъ земельнымъ банкомъ; общ. спб. фабрикантовъ для взаимн. страх. рабочихъ и служащихъ отъ не-счастн. случаевъ съ Катаевымъ; Буламъ-Шахъ-Мирзы съ Мухтаровымъ; общ. акціонеровъ „Русскій Про-виданскъ“ съ Ярошуконъ; Зурабова съ Вишнякомъ; Патрикѣева съ управленіемъ с.-петербургскаго порта; Теръ-Никогосовъ съ Навтиковымъ; Коноваловыхъ и Грибуниной съ Требуловымъ; Мамаевыхъ съ Доб-ряковыми; Лабенскаго съ донскимъ земельнымъ бан-комъ; Маевской съ Маевскимъ; барвенковскаго сельскаго общ. съ Кузнецовымъ; Петровыхъ съ общ. путиловскихъ заводовъ; Журавлева съ Филипповымъ.

Сѣздовья: Петина съ Саксомъ; Литвинюкъ съ Солодубомъ; Лужецкаго съ Шульцемъ; Васильева съ общ. взаимопомощи спб. дворниковъ; Нав-роцкой съ Корнѣичукомъ; Розенфельда съ торг. дом. Н. Конъ сыновья и І. Перле; Камышевыхъ съ Шве-

чиковымъ; Шойхета, Зака съ Буве; Шермановъ и др. съ опекой Терещенко; Червильскихъ съ Грузомъ; Шостаковъ съ Сидоренко; Терехина съ Егоровымъ; Руссу съ Корнштейномъ и Бирнбаумомъ; Гарбузы съ Столяромъ; душеприказ. Борейша съ Кузминымъ; Сурогина съ Курилевымъ и Марковыми; Давганенко съ Музенко; Бутурлина, Игнатенко съ Марцинкевичемъ; опека Беслера съ Богдановымъ; Руфа съ Липяньскимъ.

На 19-е февраля, по 5 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: московск. усадебск. бирж. артели съ Мусакинымъ, Кокуринымъ и др.; Ворка съ торговымъ домомъ „Жозефъ и Александръ Влохъ“; Огей съ Графъ и Вьяевыми; Шмелева съ Перси-Френгъ; Шейнцвита съ Шлейферъ; общества бѣлгородсумской жел. дер. съ Тарабриннымъ.

Сѣздовья: Бернарского съ Смирновымъ; опеки надъ имѣніемъ и малолѣтн. дѣтьми умершаго Сорокина; Холевского съ Хоменко; Датченко съ Рыковскимъ; Леппенберга съ Бурхардомъ; Кочина съ Эристовыми; Вѣлоусовъ съ с.-петербургской компаніей „Надежда“; Лепешкина съ Ильинскимъ; ссудосберегат. кассы артистовъ императ. театровъ съ Гавликовскимъ; Вышинской съ Борской; Штейнмановъ съ Бутми-де-Кацманомъ; Сопина съ Камлюхинымъ; Анагнастопуло съ Танасоя; Ушкова съ Цинъ; Смирновой съ Фальцъ-Фейнъ; Анисимова съ Раммъ; Носивецъ съ Стрѣльниковымъ; Чуйкова съ Чуйковымъ; Тодори съ Штольбергомъ; Корякина съ Фруктовой; Саенка и Туръ съ Луценко; Панфилова съ Новиковымъ; Литвака съ Ливенталомъ; Хрущинской съ Курицкимъ; Виноградовой съ Ведеръ; Трофимчука съ Корнигами; Солецкаго съ Готье; Вуровой съ Прокофьевымъ; опеки надъ имуществ. умерш. Боговскаго 2 дѣла; Шмидтъ съ Стадлеръ.

На 19-е февраля, по 6 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: акц. общ. бумажн. мануф. „Заверце“ съ Левенштейномъ; варшав. общ. каменноугольной горнозав. пром. съ Фортинскимъ; Романской съ Скворцовымъ; Бирмана; Курца съ Райсфассеромъ; Вихеркевича съ Эпштейномъ; Польковского со Свилярскимъ; с.-петербургскаго общ. страхованія съ Дудыньскимъ.

Сѣздовья: Хоникъ о разд. насл. послѣ Содоля; комиссара по кр. дѣламъ замостскаго у. съ Айхенблятомъ; Витковского съ Грибель; Мендака съ Мендакомъ; супр. Каминскихъ съ Ваньскими; Ведегиса съ Щелковской; комиссара по кр. д. ченстоховскаго уѣзда съ Тузевичемъ; супр. Соха съ Гидынской; Ныкель съ супр. Аугустынякъ; Ныкеля съ супр. Аугустынякъ; Адамчика съ супр. Траць; Ющикъ съ Жолнерекомъ; Брожекъ съ Мадекъ; Грабовскаго; Вашкевича съ Садовскимъ; Дзвонницкаго съ Магерой; Вымота съ Ладой; Врублевскаго съ Дочинскимъ; Шварца съ Козьмерчакомъ; супр. Залева; Вальчакъ; Рончки съ Зиминымъ; Вержовскаго съ Шиманскимъ; прошеніе Поздняка о пересмотрѣ рѣшенія по д. съ Позднякомъ и др.; Паулькуна съ Роппелемъ; супр. Гвездъ съ Гвездземъ и др.; Гурко съ Бетюкъ и др.; Грома и др. съ Китай; Пасиха съ Щепора и др.; Богущъ; Чекота съ Кубицкими; Хржана и др. съ Хржаномъ; Руба съ Шварцъ и др.; супр. Подсядко; Перка; Следзя съ Яблонскимъ; супр. Юзефякъ съ Мусалъ; Бораль; Раулинайтисъ съ Раулинайтисъ; Войцѣховскаго съ фирмой „А. Фишеръ“.

На 20-е февраля, по 7 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: Нотулицкаго по д. кв. Огинскаго; Послова съ пензенскимъ уѣздн. земствомъ; Евангуловой; гомельскаго гор. общ. съ Певзнеромъ и Шевелевымъ; общ. кр. сл. Солдатской съ гор. Землянскомъ; козельскаго гор. общ. съ общ. рязанско-уральской жел. дор.; орловской каз. пал. по д. Фіалкина; севастопольскаго гор. общ. съ Михайловымъ; кн. Оболенскихъ по д. гр. Ламздорфа, хвалынскаго гор. общ. съ Маренниковымъ и др.; ярославской каз.

пал. по д. Кабанова; Сергѣева и др. по д. Жирнова; пензенской каз. пал. по д. Кондаковой; казанскаго гор. общ. съ Ефимовой; тифлисской каз. пал. по д. Марзаянца; с.-петербургской ремесленной управы съ Смоличемъ; Везери и Детлефъ по д. Алліауди; владивостокскаго гор. общ. съ наслѣдн. Шевелева; Тиммъ; московской каз. пал. по д. торг. д. „А. Мурсовъ и М. Коченовъ“, Струса, Овчинникова; екатеринославской каз. пал.; курской каз. пал. по д. Мещерской; опеки Дарашева; ковенской каз. пал. по д. Скороульской; харьковской каз. пал. по д. Кублицкаго Піотухъ.

Сѣздовья: Кувардина съ азовскимъ гор. общ.; с.-петербургской каз. пал. по д. Петерсона и Чипеналзе; Сорватовскаго съ Немитцами и Песковымъ; бобринецкаго гор. общ. съ Гладченко; вологодской каз. пал. по д. товарищ. архангельскаго лѣсопильного завода, по д. товар. лѣсопильного завода „Экономія“; Фруктова съ Михѣевымъ; козловскаго гор. общ. съ Рѣпинымъ; московской каз. пал. по д. Прохорова и Старостина; сиб. столич. ломбарда съ Клевцевымъ, Бруковымъ, Болотоловымъ; Погорѣловой съ очаковскимъ гор. общ.; козловскаго гор. общ. съ Теплицкимъ; бобринецкаго гор. общ. съ Вѣликомъ; самарскаго гор. общ. съ Лахметкинымъ, Тамашайтисомъ, Крыловыми; Штофа съ Савинымъ и Руденко; Киселева съ Черкезь; Коваленко съ Шиллингъ; Филипова съ опекой Тарасова; Сароченко съ Роякъ 2 дѣла; Цѣликова съ Фроловымъ.

На 21-е февраля, по 8 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: Поляковой; Борисова съ Толстиковыми; упр. им. загранич. дух. устан. въ Бессарабіи съ Остановымъ, Вопокомъ; Бонди съ Кругликовымъ и Бжрозскимъ; Ержовыхъ; товар. калиновскаго сахарн. завода съ Холоневскимъ; общ. кр. сл. „Подмонастырской“ съ Толоконниковой; Марьяшевыхъ съ Данко, Мокря и Гоша; Мугдуси-Акопова съ Арафеловымъ и шушинск. гор. управой; Николаева съ Даклемъ; графа Девиера съ Шиловой и др.; Абулянца съ Джанашивили.

Сѣздовья: Рыкаткиныхъ; Панова съ Мильштейнъ; Германъ со Скаржинской; Шавинскаго съ Беккеромъ; Иванова съ Королевымъ; Бенисовичъ съ Радоминскимъ; Лившина съ общ. кр. прозоровской волости; Мадыкова съ Кулаевымъ; Ольховскаго съ Добрыньскимъ; Круглякова съ добровольнымъ флотомъ; Митролина съ Рѣзниченко; торг. дом. „Григ. Нюнина С-я“ съ Кондратовымъ; Безалана съ Булюкомъ; черноморскаго строит. общ. съ Востремомъ; Смирнова съ Шмидтъ.

РЕЗОЛЮЦИИ.

30-го января, по 6 отд. гр. касс. деп.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: отмѣнено рѣшеніе: общ. взаимн. страх. посѣвовъ отъ градобитія.

Передано на разсмотрѣніе присутствія департамента: Когана съ холмско-варшавской духовной консисторіей.

Исключены изъ доклада: варшавской конторы госуд. банка; Поплавкаго.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ сѣздовъ: отмѣнены рѣшенія: Квасневскаго, Пахлевскаго, Щербика 2 дѣла, Герцберга, Гринсбаумъ, Вейда, Вевюры, Вайцблума, Пулавскаго и др.

Исключены изъ доклада: Горскихъ, Каменскаго, Бытхера, Штромбаха, Розенкранцъ, Каппальскаго, Венцлавскъ, Дессельбергера, Шнайдеровъ, Баумгартена.

Кассационная жалоба возвращена въ мировой сѣздъ для возвращенія просителю: русскаго промышленнаго и торговаго общества „Кара“ съ Сѣрадзскимъ.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

30-го января, по 7 отд. гр. касс. деп.

По жалобам на решения судебных палат, отменено решение: Яременко.

По остальным делам жалобы оставлены без последствий.

По жалобам на решения мировых съездов, отменены решения: Шумлянского; Котасапова; Таругинных; Шишко; Кривенца; общ. „Кавказ и Меркурий“.

Передано на рассмотрение департамента: страх. общ. „Надежда“ съ Треемъ.

Исключены из доклада: Бобра; общ. хутор. Лобачева.

31-го января, по 8 отд. гр. касс. деп.

По жалобам на решения судебных палат: отменены решения: Долгинова; Муркина; большепетихенского с. общ.; Луцкевича.

Жалоба оставлена без рассмотрения: Эйзенберга съ Фридериксомъ и др.

Исключено из доклада: Зайха съ Сосоне и др.

По остальным делам жалобы оставлены без последствий.

По жалобам на решения мировых съездов: отменены решения: Бѣлобровки; общ. кр. м. Жванца; Остафьевых; Федоришина; Загородского; Конопко; тов. бр. Е. и В. Леонтьевы и К^о; Пушина; Кесельмана; Скарпетовской; Торопинина; Огурцовъ; Щепаника; Этельмана; Куликовских; Копа; Лермана; Рафанлова; Мичника; Винера; наследн. Лыточникова.

Жалоба оставлена без рассмотрения: Хибричыхъ.

По остальным делам жалобы оставлены без последствий.

3-го февраля, по 1 отд. гр. касс. деп.

По жалобам на решения судебных палат: отменены решения: Мирошникова и др.; Задорожного.

Исключены из доклада: Калядина; Шведовъ.

По остальным делам жалобы оставлены без последствий.

По жалобам на решения мировых съездов: отменены решения: Лейдермана; Моисеевко; Мяхекара; Зубрицкого.

Передано на рассмотрение присутствия департамента: Федотова съ Леонтьевымъ.

Исключено из доклада: общ. д. Стрыковой съ Князевымъ.

По остальным делам жалобы оставлены без последствий.

3-го февраля, по 2 отд. гр. касс. деп.

По жалобам на решения судебных палат: отменены решения: общ. рязанско-уральск. жел. дор. съ Ивановымъ; упр. сызрано-виземск. жел. дор. съ Васильевымъ; упр. сибирск. ж. д. съ Преловскимъ; упр. жел. дор. съ Ильихинымъ.

По остальным делам жалобы оставлены без последствий.

По жалобам на решения мировых съездов: отменены решения: упр. жел. дор. съ Малацкимъ и др. Шуваловымъ, Маргулесомъ, Заичкой; общ. московско-виндаво-рыбинск. жел. дор. съ Рябухо, Пумпянскимъ; упр. южныхъ жел. дор. съ Мошенскимъ; Курлянда; Ароповичей; Раппопорта 2 дела; пароходства „Георгій и Орловъ“ съ Едвабнымъ; Лецинского и др.; 1-го общ. подъездныхъ путей съ Голубчиковъ.

По остальным делам жалобы оставлены без последствий.

4-го февраля, по 3 отд. гр. касс. деп.

По жалобам на решения судебных палат: отменены решения: Тарасюковъ; опеки надъ имущ. умерш. Джевизде; Камбурогло; Кочергина.

Жалоба оставлена без рассмотрения: Фрофмана съ бар. де-Шадуаръ.

По остальным делам жалобы оставлены без последствий.

По жалобам на решения мировых съездов: отменены решения: Парнеса Болквадзе; Федоровой; Грибовского; Бурхановой.

Объявление резолюции отложено: Панфилова съ Головановымъ.

По остальным делам жалобы оставлены без последствий.

4-го февраля, по 4 отд. гражд. касс. деп.

По жалобам на решения судебных палат: отменено решение Лядвинцевъ.

По остальным делам жалобы оставлены без последствий.

По жалобам на решения мировых съездов: отменены решения: Детка; Дерей и Щенсы; Пекарчикъ; Цямцякъ; варш. осудо-сберегат. тов. съ Геданке; Гушительномъ.

По остальным делам жалобы оставлены без последствий.

9-го февраля, по 1 отд. гражд. касс. деп.

По жалобам на решения судебных палат: отменено решение: упр. земл. и госуд. им. бакинской губ. и дагестанск. обл. о размеж.

Переданы на рассмотрение присутствия департамента: админ. по д. торг. дома „С. Генчъ-Оглуевъ и И. Шапошниковъ“ съ тов. ростовской на-Дону табачной фабрики; пришибского сельского общества съ пришибскимъ и эйленфельдскимъ волостнымъ общ.

Исключены из доклада: Бонди; Эльмана; Бѣлой; Гныдюковъ; Воташевыхъ.

Жалоба оставлена без рассмотрения: Свидерского.

По жалобам на решения мировых съездов: отменены решения: товар. мануф. И. Коновалова и С-я; Кашена; виленского главн. молитвенного правления; Бауера; Каплана.

Исключены из доклада: Итушки; Валеише; акц. общ. Сормово.

По остальным делам жалобы оставлены без последствий.

11-го февраля, по гр. касс. деп.

По жалобам: Ленкевича и московского льсо-промышленного тов.—решение виленской суд. пал. въ части, касающейся признания для истцовой стороны обязательнымъ акта 18 августа 1845 г. по нарушению 426 ст. примѣч. 1 ч. X т. (изд. 1842 г.), отменено и дело для новаго рассмотрения въ означенной части передано въ другой департаментъ той же палаты, въ остальномъ кассацион. жалоба повѣреннаго московского льсопромышленного тов., а равно и кассац. жалоба пов. дворянъ Волеслава Ленкевича, оставлены безъ последствий; опеки надъ имущ. умершаго Ваздинского—решение одесской суд. пал. отменено по нарушению ст. 1549 ч. 1 т. X и дело, для новаго рассмотрения, передано въ другой департаментъ той же палаты; Райчъ. Думитрашко—опредѣленіе кievской суд. пал. въ части признания исполнительнаго листа Хаима Фика представленнымъ въ установленный срокъ отменено по нарушению 1222 ст. уст. гр. суд., и дело передано для новаго рассмотрения въ отменной части въ другой департаментъ той же палаты; Головкина—решение саратовскаго мир. съезда отменено по нарушению 812 ст. уст. гр. суд. и дело передано въ саратовскій окружный судъ; Истоминой—решение саратовской суд. пал. отменено по нарушению 4, 340, 366, 653, 654, 659-711 и 868 ст. уст. гр. суд. и дело передано въ ту же палату; Степаненко—решение армавирскаго мирового съезда отменено по нарушению 681 ст. уст. гр. суд. и дело для новаго рассмотрения передано въ майкопскій миров. съездъ.

Исключено: Кульничкой съ Дрогалевой.

По остальным делам жалобы оставлены безъ последствий.

Издатель, приватъ-доцентъ: В. М. Гессенъ.

Отвѣтственный редакторъ: І. Е. Фриде.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статья и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Березкинъ, Яковъ Петровъ, куп.	С. о. 12 февр. № 13. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 128.	Сиб. к. с.
Брозль-Пятеръ, гр. Адамъ Степановъ.	С. о. 12 февр. № 13. Опек. упр. надъ личн. и имущ. по душевной болѣзни. Р. VII, ст. 52.	Вилensk. дв. о.
Брониковъ, Петръ Михайловъ, мѣщ.	С. о. 12 февр. № 13. Опек. надъ имущ. по расточительности. Р. VII, ст. 56.	Оренбургск. с. с.
Безкупскій, Спиридонъ Дмитріевъ, кр.	С. о. 12 февр. № 13. Опек. надъ личн. и имущ. по умопомѣшательству. Р. VII, ст. 62.	Одесск. с. с.
Варюшина, Марія Григорьевна.	С. о. 12 февр. № 13. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 124.	Сиб. к. с.
Вельяшевъ, Илья Васильевъ, к. секр.	С. о. 12 февр. № 1. Опекунство надъ личн. и имущ. по умопомѣшательству. Р. VII, ст. 47.	Сиб. дв. о.
Гаубольдъ, Рихардъ, германск. подд.	С. о. 12 февр. № 13. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 123.	Сиб. к. с.
Исаковъ, Косьма Васильевъ, мѣщ.	С. о. 12 февр. № 13. Опекунск. упр. надъ имущ. по нетрезвой и расточит. жизни. Р. VII, ст. 51.	Суздальск. с. с.
Ивановъ, Николай Михайловъ, мѣщ.	С. о. 12 февр. № 13. Опек. надъ имущ. по расточительности. Р. VII, ст. 54.	Калужск. с. с.
Иванова, Прасковья, мѣщ.	С. о. 12 февр. № 13. Попечительство по неграмотности. Р. VII, ст. 57.	Орловск. с. с.
Королевы, Терентій и Илларионъ Матвѣевы, подъ фирмою: „Т. и И. Братья Королевы въ Петронавловскѣ“.	С. о. 12 февр. № 13. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 127.	Сиб. к. с.
Муминджановъ, Мулла-Исмагулоа-Мулла.	С. о. 12 февр. № 13. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 121.	Ташкентск. о. с.
Николаевъ, Александръ Гаврилевъ, ремесл.	С. о. 12 февр. № 13. Опек. надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 60.	Сиб. с. с.
Общество С.-Петербургск. чугуно-труболитейнаго завода.	С. о. 12 февр. № 13. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 126.	Сиб. к. с.
Правда, Ицекъ, (онъ же Ицхокъ), куп.	С. о. 12 февр. № 13. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 131.	Варшавск. к. с.
Піотровичъ, Эмилиа Витальева, дв.	С. о. 12 февр. № 13. Опек. надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 53.	Рѣжик. дв. с.
Плѣшковъ, Панфилъ Михайловъ, мѣщ.	С. о. 12 февр. № 13. Опек. надъ личн. и имущ. по разстр. умствен. способн. Р. VII, ст. 55.	Московск. к. с.
Риттершпорнъ, Фридрихъ-Георгій, Александръ Петровъ, к. рег.	С. о. 12 февр. № 13. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 125.	Сиб. с. с.
Симаковъ, Андрей Васильевъ,	С. о. 12 янв. № 13. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 122.	Уральск. о. с.
Старосельскій, Левъ Дмитріевъ, поруч. зап.	С. о. 12 февр. № 13. Опекунство надъ личн. и имущ. по умопомѣшательству. Р. VII, ст. 49.	Сиб. дв. о.
Соцкая, Марія Васильева, дочь колл. сов.	С. о. 12 февр. № 13. Опекунск. упр. по сумасшествію. Р. VII, ст. 58.	Царскосел. дв. о.

П Р А В О.

Сорокинъ, Сергій Николаевъ, мѣщ.	С. о. 12 февр. № 13. Опекa надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 59.	Спб. с. с.
Сугонаява, Анна Александрова, ж. колл. рег.	С. о. 12 февр. № 13. Опекa надъ личн. и имущ. по умопомѣшательству. Р. VII, ст. 61.	Саратовск. с. с.
Тарасовъ, Степанъ (отч. не ук.), мѣщ.	С. о. 12 февр. № 13. Опекa надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 50.	Елисаветградск. с. с.
Хлуденевъ, Василій Николаевъ, дв.	С. о. 12 февр. № 13. Опекa надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 46.	Орловск. дв. о.
Ярмонкинъ, Валентинъ Валентиновъ, дв.	С. о. 12 февр. № 13. Опекунство надъ личн. и имущ. по умопомѣшательству. Р. VII, ст. 48.	Спб. дв. о.

Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Статья и номеръ сенатск. объявленій, гдѣ опубликовано объ ограниченіи правоспособности и о прекращеніи такового.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Ерохинъ, Яковъ Павловъ, кр.	С. о. 9 февр. № 12. Прекращ. опека (учрежд.—с. о. 1907 г. № 87, ст. 390), за смертью. Р. VIII, ст. 35.	Спб. с. с.
Константиновъ, Василій (отч. не ук.), мѣщ.	С. о. 9 февр. № 12. Прекращ. опека (учрежд.—с. о. 1890 г. № 86, ст. 460—724), за смертью. Р. VIII, ст. 33.	Спб. с. с.
Лукьяновъ, Николай Лукинъ, колл. сов.	С. о. 9 февр. № 12. Прекращ. опека (учрежд.—с. о. 1908 г. № 27, ст. 142), за смертью. Р. VIII, ст. 32.	Московск. с. с.
Оккельманъ, Гансъ Гендриковъ, кр.	С. о. 9 февр. № 12. Прекращ. опека (учрежд.—с. о. 1908 г. № 65, ст. 305), за смертью. Р. VIII, ст. 34.	Спб. с. с.
Рубинштейнъ, Наумъ-Насонъ, куп.	С. о. 12 февр. № 13. Прекр. опека (учрежд.—с. о. 1908 г. № 80, ст. 417), за смертью. Р. VIII, ст. 36.	Московск. с. с.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдана довѣренность.	Гдѣ и когда явлена. Статья и номеръ сего объявл., гдѣ опубликовано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Булгакъ, Маріей-Софіей Адамовою, дв.	Булгаку, Осипу Адамову, дв.	С. о. 9 февр. № 12. У витебск. нотар. Самоквасова, въ 1906 г. Р. IV, ст. 37.	Витебск. о. с.
Розенфельдомъ, Янкель-Нусиномъ Сруль-Ароновымъ.	Рудову, Мордкѣ Ицкову, мѣщ.	С. о. 9 февр. № 12. У тульчин. нотар. Сваричовскаго, 16 іюля 1907 г. № 1387. Р. IV, ст. 31.	Луцк. о. с.
Розенфельдомъ, Янкель Нусиномъ Сруль-Ароновымъ.	Гершману, Арону Моисееву, пом. пр. пов.	С. о. 9 февр. № 12. У тульчинск. нотар. Сваричовскаго, 18 іюля 1907 г. № 1400. Р. IV, ст. 32.	Луцк. о. с.
Соловьевой, Екатериною Григорьевой, вд. кр.	Першачеву, Александру Васильеву, пом. пр. пов.	С. о. 9 февр. № 12. У ярославск. нотар. Зыкова, 14 мая 1907 г. № 626. Р. IV, ст. 35.	Ярославск. о. с.
Черниловскимъ-Соколомъ Николаемъ Ивановичемъ, лейт.	Резанову, Павлу Николаеву, мѣщ.	С. о. 9 февр. № 12. У Кронштадтск. нот. Стунчевичъ, 9 дек. 1904 г. № 1064 и Павлова 28 апр. 1905 г. № 724. Р. IV, ст. 33.	Троицк. о. с.
Шапошниковой, Екатериною Ивановой, жен. купц.	Шапошникову, Николаю Иванову.	С. о. 9 февр. № 12. У Гжатск. нотар. Игнатушина, 19 янв. 1904 г. № 63. Р. IV, ст. 34.	Смоленск. о. с.
Шербанъ, Натальей Петровой, жен. колл. секр.	Зенкевичу, Казиміру Рафаилову, прис. повѣр.	С. о. 9 февр. № 12. У кievск. нот. Викторова, 25 сент. 1906 г. № 11143. Р. IV, ст. 36.	Кишиневск. о. с.

Издатель приватъ-доцентъ: В. М. Гессенъ.

Отвѣтственный редакторъ: І. Е. Фриде.

Типографія товарищества „Общественная Польза“ Б. Подъяческая, 39.